

Алексей Калугин

На исходе ночи

«ЭКСМО»

2004

Калугин А. А.

На исходе ночи / А. А. Калугин — «Эксмо», 2004

Ночью все становится другим. Ночью из темных щелей подсознания выползают призраки. А что, если ночь длится 37 лет? Что, если люди вокруг умирают от страшной, неизлечимой болезни? Если по темным улицам бродит сумасшедший убийца, выбирающий жертв по одному ему понятному принципу? Ловец Ше-Кентаро знает Ночь, как никто другой. Его работа – отслеживать превращающихся в чудовищных монстров больных. Он знает в лицо своих призраков. Но ему пока неизвестно, что безжалостный убийца уже выбрал его на роль новой жертвы. Теперь для того, чтобы дожить до рассвета, Ше-Кентаро нужно первым найти маньяка.

© Калугин А. А., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей КАЛУГИН НА ИСХОДЕ НОЧИ

Глава 1 Мрак впереди.

Фонарь возле подъезда, конечно же, не горит. Ше-Кентаро только усмехнулся невесело – как будто могло быть иначе. Он давно уже привык к тому, что если какая-то неприятность может случиться, то долго ждать ее не приходится. Шесть подъездов в доме, и только тот, что ему нужен, тонет во мраке, – в том, что кто-то мог назвать случайностью, Ше-Кентаро видел закономерность, которой подчинялась вся его жизнь. Но если другой на его месте повернул бы назад, то Ше-Кентаро направился бы напрямик к черному пятну, расплывшемуся перед короткой лесенкой в пять ступенек, ведущей к обшарпанной – серая краска сползла широкими полосами – металлической двери.

Ону Ше-Кентаро не любил темноту. Точно так же, как не любил он и черный цвет. Ону вообще не любил Ночь и все, что с ней связано: тусклый свет фонарей, темные закоулки, неясные тени, скользящие по стенам. Ше-Кентаро говорил «не люблю», хотя на самом деле боялся. Панический безотчетный страх, не поддающийся контролю, страх перед темнотой, который психологи называют никтофобией, знаком каждому родившемуся на пороге Ночи. Когда наступила Ночь, им было от трех до десяти больших циклов. Старшие понимали, что происходит, а потому не испытывали ужаса от одной только мысли о том, что солнце снова взойдет только через тридцать семь больших циклов. Они были готовы жить во тьме. Как должное, как неотъемлемую часть жизни воспринимали тьму дети, уже не видевшие Дня или не успевшие его запомнить. Они начнут потихоньку сходить с ума, когда снова наступит День. А сейчас было время сверстников Ше-Кентаро.

Темное пятно, залегшее возле подъезда, к которому направлялся Ше-Кентаро, не было непроглядно черным, оно имело сероватый оттенок, будто пылью слегка припорошено, и формой напоминало расплывшуюся на песке медузу. Казалось, что в центре его что-то медленно перемещается, какая-то огромная бесформенная масса, то поднимающаяся к поверхности, то вновь уходящая в глубину. Присмотревшись, можно было заметить толстые, упругие, как будто резиновые шупальца, извивающиеся и завязывающиеся узлами в нетерпеливом ожидании жертвы.

Нужно было сделать всего три шага, чтобы миновать зону тьмы и дотянуться рукой до двери, за которой ярко освещенная лестница – не мог в парадном не гореть свет! – но Ше-Кентаро понял, что не в состоянии заставить себя погрузиться в озеро мрака, кишашее чудовищными монстрами, порожденными его же собственным подсознанием.

Мимо проходили люди. Должно быть, каждый второй испытывал тот же панический страх перед темнотой, что и Ше-Кентаро. Но никого из них не интересовал подъезд, зайти в который не мог заставить себя Ону. Люди пробегали мимо по дорожке, освещенной яркими бестеневыми фонарями. Изредка кто-то из прохожих бросал быстрый взгляд на человека, замершего в нерешительности у края растекшегося перед подъездом темного пятна. Лица прохожих похожи на окна, задернутые серыми шторками, сквозь которые едва пробиваются тусклые отсветы горящих в глубине огней. Можно подумать, ни один из них даже не догадывается, что происходит с Ше-Кентаро, и ни разу в жизни не испытывал то же, что и он сейчас.

Боязнь темноты была расхожей темой для шуток, порой довольно язвительных и даже злых. Но никто из прохожих не улыбнулся при взгляде на взрослого человека, нерешительно

переступавшего с ноги на ногу на границе света и тьмы, точно мальчишка, решающий очень непростой вопрос, пробежаться ли по луже так, чтобы брызги полетели во все стороны, или все же проявить благоразумие, главной составляющей которого являлась мысль о выволочке, что непременно устроит дома мать за промокшие ботинки, и обойти лужу стороной. Одежда Ше-Кентаро соответствовала тому, как одеваются в пригородах, но по каким-то совершенно незначительным, не до конца понятным даже им самим признакам люди, проходившие мимо, опознавали в Ону чужака, которого лучше не задевать, пусть даже в шутку. Ше-Кентаро внушал им страх. Почти столь же сильный и такой же иррациональный, что вселяла в душу Ону темнота, поглотившая столь необходимый ему фрагмент пространства.

Чтобы прийти в себя, Ону запрокинул голову и посмотрел на фонарь. Две светящиеся трубки, длиной около полуметра каждая, забранные выпуклым колпаком из толстого рифленого стекла, – маленькое рукотворное солнце, не позволяющее тьме окончательно завладеть миром. Ше-Кентаро не раз задавал себе вопрос: что будет, если вдруг во всем городе погаснет свет? Когда он пытался представить себе улицы, погруженные во тьму, он видел только людей, слепо и бессмысленно бродящих во мраке, выставив перед собой руки. Они натыкались на столбы, разбивали лбы о стены, хватали друг друга за рукав и в ужасе шарахались в разные стороны, спотыкались и падали. Упавшие уже не пытались подняться, они лежали во тьме, обхватив голову руками, и с ужасом ждали, когда призраки Ночи разорвут их плоть и разгрызут их кости.

Ше-Кентаро медленно провел ладонью по влажному от выступившей испарины лицу. Во внутреннем кармане ветровки лежал небольшой фонарик, с помощью которого можно было разогнать тьму. Но включить фонарь было все равно что расписаться в собственном бессилии. Все равно что вместо «не люблю» крикнуть так, чтобы все услышали: «Я боюсь!» Ше-Кентаро сунул руку в карман, выдавил из упаковки капсулу стимулятора и быстро кинул ее в рот. Прижатая языком к нёбу, капсула превратилась в лепешку, чуть сладковатую на вкус. Дернув подбородком, Ше-Кентаро сглотнул набежавшую под язык слюну.

Сердце забилося спокойнее и ровнее. Лица проходящих мимо людей стали казаться плоскими, а контуры предметов – размытыми. Облако тьмы, что заслоняло подъезд, сделалось как будто светлее, копошащиеся в нем чудища исчезли, притаились до времени. Ше-Кентаро невольно улыбнулся. Ун-акс не оказывал наркотического воздействия, но победа над собственным страхом также может спровоцировать приступ эйфории.

Глубокий вдох – и Ше-Кентаро головой вперед нырнул в туманное облако. Стараясь не смотреть вокруг, Ону сделал два торопливых шага, едва не споткнулся о ступеньку, вытянул руку и ухватился за длинную дверную ручку. Из всех сил рванув дверь подъезда на себя, Ше-Кентаро не вбежал, а, развернувшись вокруг собственной оси, ввалился в подъезд.

Засиженный живицами, давно не мытый плафон, круглый, будто мячик, прилепившийся к потолку. Ше-Кентаро привалился спиной к стене и блаженно зажмурился – после мрака, вымаравшего уличную лесенку, тусклый свет в подъезде казался неземным сиянием, подобным тому, что исходит от крыл святых, когда они парят меж облаков, или отблеску первого луча нового Дня.

Ше-Кентаро сунул два пальца за воротник майки, потянул стягивающую его резинку и краем глаза глянул за дверь. Из глубины освещенного подъезда тьма на улице казалась еще более мрачной – плотная, почти осязаемая, она как будто плыла по узким ступенькам лесенки, надеясь следом за Ше-Кентаро вползти в подъезд. Но уже на пороге ночная мгла таяла, истончалась, превращаясь лишь в воспоминание о пережитом страхе. Едва заметная усмешка мелькнула на губах Ше-Кентаро – он боялся темноты, но знал, как с ней бороться: из схваток с ним Ночь еще ни разу не выходила победительницей. Хотя, может быть, ему просто везло? В таком случае как долго будет продолжаться это везение? Думать об этом сейчас не хотелось. Ше-Кентаро сунул руку в карман ветровки, обхватил покрытую плотной резиной рукоятку пара-

лизатора и большим пальцем передвинул планку предохранителя. Он надеялся, что сегодня сможет обойтись без оружия, но, кто знает, работа ловца полна неожиданностей и сюрпризов, чаще всего неприятных. Свободной рукой застегнув «молнию» ветровки до самого верха, Ону начал подниматься по лестнице.

Дом был из тех, что возводились на окраине Ду-Морка за счет государственного бюджета, специально для малоимущих граждан. После заселения о них, как водится, забывали все городские службы, поэтому Ше-Кентаро даже не стал проверять, работает ли лифт, – надежды никакой. Зловоние гниющих отходов, изливающееся из лопнувшей трубы мусоропровода, с каждым этажом становилось все более густым и едким. На лестничной площадке между третьим и четвертым этажами Ше-Кентаро пришлось перепрыгнуть через груды мусора, вываливающегося из приемного отверстия мусоропровода. Поскользнувшись на гнилой корке, Ше-Кентаро был вынужден схватиться рукой за перила, оказавшиеся омерзительно липкими. Поднявшись на еще один лестничный пролет, Ону достал носовой платок и старательно вытер перепачканные пальцы. Платок после этого полетел в угол лестничной клетки, а ощущение гадливости, прилипшее к ладони, все равно осталось.

Квартира, которую искал Ше-Кентаро, располагалась на девятом, предпоследнем этаже. Путь по крыше был бы куда короче, но у Ше-Кентаро имелись свои резоны – он предпочитал, забрав варка, уходить через крышу. Ежели пойманный варк начнет орать благим матом, когда его выведешь на улицу, – напали, мол, ограбили и теперь убить хотят или еще какую дурь в том же духе, – то проще отпустить его, чем начинать объясняться с прохожими. Особенно в пригородном районе вроде того, в котором работал сегодня Ше-Кентаро. Пригороды с муниципальными застройками да трущобы самопальных домишек, теснящихся еще на северо-восточной окраине Ду-Морка, – все равно что заказники для варков. Поэтому и не любили такие места ловцы. Далеко не всякий варк понимает, что если уж выследил его ловец, то прятаться дальше смысла нет: дня не пройдет, как под завывание сирен на крышу дома опустятся разукрашенные зелеными мигалками вертолеты, а снизу подъезд будет блокирован са-туратами, обряженными по такому случаю в блестящие пластиковые костюмы бактериологической защиты. И останется тогда варку один путь – в окно, головой вниз. Чем не выход? Хотя проще все же за ловцом последовать: и самому спокойнее, и домашним почти никакого беспокойства – стандартной процедурой проверки отделаются.

Проход в длинный тамбур с десятком малогабаритных квартир прикрывала дверь с широкой прямоугольной прорезью, забранной половинкой расколотого рифленого стекла, толстого и мутного. Судя по засохшим пятнам крови на стекле, кто-то уже успел порезаться о скол, открывая дверь изнутри. Дабы не повторять чужих ошибок, Ше-Кентаро очень осторожно просунул руку в отверстие над сколом, нащупал металлическую щеколду на внутренней стороне двери и плавно оттянул ее. Замок даже не щелкнул. Ше-Кентаро улыбнулся – добрый знак! Раз все так хорошо началось, то дальше пойдет как по маслу, – и он тихонько приоткрыл дверь. Дверные петли заскрипели, будто несмазанные колеса повозки, простоявшей без дела полтора больших цикла. Ше-Кентаро выругался беззвучно, быстро вошел в тамбур и прикрыл за собой дверь. Странно было бы, выгляни на звук простонавшей двери кто-нибудь из обитателей квартир, и все же Ше-Кентаро выждал ровно минуту. Он никуда не торопился и предпочитал действовать аккуратно, чисто, без накладок. Взглядом Ону уже отыскал нужную квартиру в глубине тамбура. Не лучшее расположение, но выбирать не приходилось. Вне зависимости от уровня сложности оплата за работу всегда одинакова, но как истинный профессионал Ше-Кентаро брался за любую.

Ступая неслышно, Ше-Кентаро подошел к двери. Кнопка звонка выдрана из стены, на ее месте зияет пробитая в неровном бетоне дырка, из которой торчат два оголенных провода. Ше-Кентаро двумя пальцами свел концы проводов вместе. Безрезультатно. Видно, отсутствовала не только кнопка, но и сам звонок. Ше-Кентаро осторожно постукивал согнутыми пальцами

по косяку. Ответа не последовало, и Ону трижды громко стукнул кулаком в дверь. В квартире послышалась приглушенная возня, но открывать дверь хозяева не торопились. Ше-Кентаро еще раз ударил кулаком в дверь. Звук получился короткий, отрывистый и при этом очень убедительный – сразу понятно, что человек за дверью долго ждать не намерен и, если ему не откроют, не уйдет просто так, а непременно что-нибудь сделает. Например, высадит дверь.

– Кто там? – послышался вопрос из-за двери.

Голос сдавленный. Женщина. Немолодая. Явно напугана.

– Да пребудет с тобой вечная благодать Ше-Шеола, сестра, – растягивая слова, нараспев затянул Ше-Кентаро. – Дом, в котором нет священной книги То-Кабра, суть обитель зла. Я пришел для того, чтобы пропеть слова Ше-Шеола, сказанные Блаженным в Великий День Ран, дабы изгнать из дома твоего призраков Ночи.

Для того чтобы проникнуть в нужную ему квартиру, Ше-Кентаро нередко выдавал себя за ка-митара – служителя культа Ше-Шеола, что ходит по домам, предлагая людям свои бессмысленные услуги, – и всякий раз удивлялся, насколько легко обмануть человека. Особенно если он сам желает быть обманутым.

Вот и сейчас:

– Спасибо, ка-митар, но двенадцать малых циклов тому назад мы уже изгоняли призраков из дома. – Голос женщины звучал чуть громче и значительно увереннее, чем вначале. Узнав, что за дверью всего лишь служитель культа, она решила, что никакой опасности нет.

Но женщина ошибалась. Подобно презираемому ка-митарами древнему богу судьбы Ку-Тидоку, сплетавшему причудливый гобелен будущего из нитей человеческих жизней, Ше-Кентаро держал в руках нити того, что с predetermined неизбежностью должно было произойти в самое ближайшее время.

– Открой, сестра! – грозно пророкотал Ше-Кентаро. – Я должен заглянуть в твои глаза и убедиться, что призраки Ночи не властны над тобой! Открой! – Ше-Кентаро ладонью хлопнул по двери – не сильно, но звучно. – Открой, иначе я намалую на двери желтый крест!

Абсолютно пустая угроза. Но на удивление действенная. Государство Кен-Ове было провозглашено светским два Дня и две Ночи тому назад. С той поры каждый свободный гражданин Кен-Ове волен был исповедовать любой из существующих культов или же вовсе отринуть религиозные догмы, как, кстати, и поступило подавляющее большинство – все ж не Темные Циклы на дворе. Но время прошло, и на седьмом большом цикле наступившей Ночи всенародно вроде как избранный ва-цитик провозгласил культ Ше-Шеола, не связанный с верой в древних богов, не самый влиятельный и не отличавшийся большим числом последователей, но зато активно поддержавший будущего ва-цитика на выборах – единственно верным верованием, исповедовать которое подобает всякому лояльному гражданину, после чего патерналистский ка-митар поспешил объявить все прочие культы богопротивной ересью. Большинство граждан, как и прежде, считали, что бродящие по домам святоши малость не в себе, но теперь уже не всякому хватало смелости прогнать ка-митара со своего порога. Лучше уж было с задумчивым видом послушать, как бормочет невнятно ка-митар слова из То-Кабры, купить схороник, малый цитатник или лик Ше-Шеола, а в знак благодарности за то, что святоша наконец-то оставит тебя в покое, пожертвовать три-четыре рабуна на сиротский приют при шахане.

Женщина, что говорила с Ше-Кентаро через закрытую дверь, тоже решила не искушать судьбу. Щелкнул замок, и дверь приоткрылась на ширину ладони. В нос Ше-Кентаро ударила едкая смесь запахов дешевого мужского одеколona и бытового дезодоранта, а сквозь нее все же вполне отчетливо проступала приторная вонь, от которой с непривычки спазм перехватывал горло, – запах гниющей плоти. Запах умирающего варка. Странно, что соседи еще не обратили внимания на зловоние.

Хозяйка окинула Ше-Кентаро внимательным, немного подозрительным взглядом. Но Ону успел придать лицу присущее любому истинно верующему дебиловатое выражение.

– Мир тебе, сестра, – не произнес, а пропел Ше-Кентаро.

Женщина была на пару пальцев ниже Ону ростом и примерно одного с ним возраста. Лицо бледное, с сероватым оттенком, с морщинками возле глаз, – как у всех, кто не посещает солярий, – соломенного цвета волосы собраны на затылке в глупый девчачий хвостик. Старый вылинявший домашний халат с большими, некогда ярко-алыми бутонами нуров – в культе Пи-Риеля цветок нура символизирует любовь и мир в доме – хозяйка придерживала на груди рукой. Жалкий, неряшливый вид молодой еще женщины, которая могла бы быть привлекательной, а при желании так даже красивой, вызывал чувство неприязни, и Ше-Кентаро решил не церемониться. Одной рукой он сунул под нос женщине замызганную брошюрку с избранными цитатами из То-Кабры, а другой надавил на дверь. В глазах женщины метнулся испуг. Губы приоткрылись, будто она собиралась что-то сказать – но как выразить словами растерянность? И все же по-настоящему она испугалась, только когда поняла, что человек, которого она принимала за ка-митара, не пытается всучить ей измятый цитатник, а хочет войти в квартиру. Обычно ка-митары вели себя нахально, но все же не до такой степени.

– Ка-митар... Ка-митар... – растерянно запричитала женщина, пытаясь удержать дверь. – Уважаемый...

Держась за ручку двери левой рукой, правой хозяйка ухватилась за дверной косяк и даже не заметила, что при этом края халата разошлись в стороны, выставив на обозрение некрасиво обвисшую грудь. Закрывая собой дверной проем, она стояла на пути Ше-Кентаро, словно и в самом деле надеялась остановить его.

Ону боялся сейчас одного – как бы сдуру женщина не принялась орать. На крик выбегут из своих квартир всполошенные соседи, а кто-нибудь так непременно догадается позвонить в секторное управление са-турата. И тогда – прощай премиальные. Про са-туратов хоть и рассказывают анекдоты, но все же они не полные остолопы – на то, чтобы сложить два и два, сообразительности хватает. Особенно когда дело касается собственной выгоды. Смекнут ведь, что не зря ловец сюда явился, и не успокоятся, пока варка не вытащат. И ведь после их топорной работы все квартиры в тамбуре – это по меньшей мере, а то и весь этаж! – на карантин посадят. Са-тураты – это тебе не ловец, который всегда работает чисто и аккуратно.

– Покайся, сестра! Покайся! – глухо бубнил Ше-Кентаро, наседая на женщину и понемногу заталкивая ее в квартиру.

Переступив порог, Ону сунул цитатник женщине за отворот халата и, не оборачиваясь, захлопнул дверь. Квартира была пропитана вонью разлагающегося тела варка.

Спохватившись, женщина суетливо запахнула халат на груди. Ше-Кентаро улыбнулся хозяйке с пониманием – не волнуйтесь, мол, дамочка, с кем не бывает, – и быстрым взглядом окинул помещение. Примерно то, что он и ожидал увидеть. Крошечная прихожая – если наклониться, чтобы шнурки завязать, так упруешься головой в противоположную стенку, налево – комната, направо – кухня, больше похожая на чулан, почти прямо напротив входной двери – туалет. Стены оклеены серо-зелеными обоями с идиотским геометрическим рисунком – три параллельные линии, пересекающиеся с тремя другими под прямыми углами. Везде, кроме туалета, свет горит. Выходит, в квартире есть еще кто-то, помимо хозяйки и затаившегося варка?

Ше-Кентаро повторно одарил хозяйку улыбкой, на этот раз ободряющей – пугать бедную женщину не входило в его намерения, – и тихо, так, чтобы никто, кроме нее, не услышал, сказал:

– Я пришел за варком.

Кто знает, вдруг у женщины хватит здравомыслия не создавать проблем ни себе, ни ловцу?

Женщина отшатнулась к стене – хотя какое там отшатнулась, полшага всего-то сделала и уперлась спиной в стену, – медленно подняла руку и плотно обхватила пальцами горло. Жен-

щина молчала. На лице ее застыл испуг, а в глазах – потерянность. Ше-Кентаро ее не торопил – для того чтобы принять решение, требовалось время. Ону достал из кармана небольшой металлический баллончик красного цвета, без маркировки, и поставил на тумбочку рядом с телефоном.

– Это антисептический спрей, – сказал он, прижав колпачок баллончика указательным пальцем. – После того как я заберу варка, распылите содержимое баллончика по всей квартире и часа полтора не открывайте окон. Это нужно, чтобы не проводить полную санитарную обработку жилья. Не беспокойтесь, запах у спрея приятный.

Ше-Кентаро ни словом не обмолвился о том, сколько заплатил за баллончик антиспрея уличному барыге. А между тем обошелся он ему ровнехонько в двести двадцать два рабуна. Вообще-то баллончик стоил двести сорок рабунов, но Слизень вот уже три больших цикла делал Ше-Кентаро скидку – ценил постоянного клиента или боялся, что у ловца могут оказаться приятели среди са-туратов. Цены на любой товар у Слизня были кусачие, но зато, покупая у него, можно было не опасаться, что получишь пустышку. Ше-Кентаро уличных барыг не любил, не за то даже, что наживались они на чужих бедах, – если бы не барыги, многие из несчастных, отдававших им последние рабуны, давно бы уже блуждали среди теней забытых предков, – а за их мелочность и показушность: каждый непременно стремится доказать, что он самый резкий. А толку-то что, если все знают, из чего у барыги цепь на шее. Несмотря на свое прозвище, Слизень был приятным исключением, едва ли не чужаком в своре показушников и прохиндеев. Не исключено, что особое отношение Ше-Кентаро к Слизню определялось еще и тем, что до сих пор Ону не смог разузнать, на кого Слизень работает. Если с другими барыгами все было более или менее ясно, то этот будто во мраке родился.

– Так где варк? – решил все же поторопить хозяйку с ответом Ше-Кентаро.

Не отрывая взгляда от ловца, женщина приподняла подбородок. Ше-Кентаро решил, что сейчас она скажет, куда ему следует идти – в комнату или на кухню. Но Ону ошибся.

– Дома только я и дочка, – деревянным голосом проговорила женщина.

Опустив руки, она прижала ладони к стене. Ше-Кентаро подумал, что, когда она их уберет, на обоях останутся влажные отпечатки.

– Сколько больших циклов девочке? – спросил Ону.

– Пять.

Ше-Кентаро прикусил губу и коротко кивнул.

– Ты хочешь, чтобы дочь не дожидая до рассвета?

Лицо женщины сморщилось и перекошилось, как будто ее внезапно хватил удар, – казалось, одна половина лица собирается заплакать, а другая готова рассмеяться, – губы мелко задрожали.

– Где варк? – повторил вопрос Ше-Кентаро. – Я заберу варка и уйду. Лучше иметь дело со мной, чем с са-туратами.

Женщина и сама это понимала. Она устала от постоянного страха, она была вымотана необходимостью ухаживать за больным человеком, тело ее было истощено жизнью впроголодь, на грани нищеты, а разум расколот надвое постоянной необходимостью отказывать во всем не только себе, но и дочери, которая была настолько мала, что даже не понимала, чего ради это нужно. Она уже давно делала все это просто по инерции, без какой-либо надежды на будущее, прекрасно отдавая себе отчет в том, что варк не сможет прожить еще четыре больших цикла, оставшиеся до рассвета. Что делать, когда не останется ни денег, ни сил, ни лекарства? Сидеть и безучастно наблюдать за тем, как человек, некогда бывший тебе близким и дорогим, сначала теряет разум, а затем начинает разлагаться, превращаясь в бесформенную грудку смердящей плоти? Женщина была на пределе. Для того чтобы покончить с кошмаром, в котором она жила последние пять или шесть средних циклов, ей нужен был кто-то, способный решительно и твердо, так, чтобы она уже не смогла возразить, сказать: хватит! Пусть даже это будет ловец!

Нередко Ше-Кентаро, мысленно обращаясь к самому себе, говорил, что никогда бы не стал ловцом, если бы не был уверен, что приносит если не радость, то уж по крайней мере облегчение в семьи варков. Хотя многие этого не понимали. Особенно в тех случаях, когда болезнь еще не давала о себе знать в полной мере и казалось, что больного можно спасти. Но женщина, на которую смотрел сейчас ловец, судя по всему, имела уже достаточно полное представление о том, что такое болезнь Ше-Варко.

Ше-Кентаро не услышал, а скорее угадал вопрос, который задала женщина:

– Что с ним станет?

Вопрос был столь же бессмысленный, как и последовавший на него ответ. Ше-Кентаро не стал ничего придумывать, просто процитировал текст из рекламного ролика, что постоянно гоняют по экранам:

– Больных с синдромом Ше-Варко помещают в специальные изоляторы, где им обеспечивают круглосуточный уход квалифицированного персонала и необходимую медицинскую помощь, что дает каждому из них шанс дожить до рассвета.

– Да. – Женщина не кивнула, а уронила голову на грудь.

Ше-Кентаро показалось, что хозяйка близка к тому, чтобы лишиться чувств, и уже приготовился подхватить ее, когда она будет падать.

– Где варк? – снова повторил свой вопрос ловец.

Конечно, можно было просто осмотреть квартиру, но Ше-Кентаро предпочитал, чтобы родственники сами выдавали ему больного. Особенно в такой ситуации, как сейчас. Если он уведет варка насильно, то женщина, кем бы она ни приходилась больному – женой или сестрой, – долго еще будет корить себя за то, что не смогла, не захотела или побоялась помешать ловцу. Если же она сама даст согласие на изоляцию варка, то будет уверена, – по крайней мере, сумеет убедить себя в том, – что, быть может, спасла ему жизнь. Помимо соображений гуманности, и планировка квартиры была не самой удачной. Если в то время, как варк прячется на кухне, ловец начнет обыскивать комнату, варку представится возможность улизнуть. И где его после этого искать? Без пищи, почти без одежды, без денег на лекарство, уверенный в том, что са-тураты идут по его следу, обезумевший от страха варк способен на самые отчаянные и даже безумные поступки. Бывали уже такие случаи.

– Там, – голова женщины едва заметно дернулась.

– В комнате? – уточнил Ше-Кентаро.

– Да, – глядя в пол, ответила женщина.

– Что он делает?

– Смотрит экран.

Ше-Кентаро показалось или хозяйка на самом деле, сказав это, усмехнулась?

– А дочь?

– Тоже в комнате... Спит, наверное.

– Это его дочь? – спросил, сам не зная зачем, Ше-Кентаро.

Женщина приподняла руку и тут же снова уронила ее.

– Делай свое дело.

Если варк откажется добровольно последовать за ловцом, его придется временно обездвижить. Ше-Кентаро не хотел, чтобы девочка видела, как он использует парализатор. Кроме того, ловец не имел разрешения на применение оружия.

– Заберите девочку, – посоветовал Ше-Кентаро.

Женщина не двинулась с места. Ше-Кентаро понял: большего, чем она уже сделала, от нее не добиться. Что ж...

Ше-Кентаро сунул руку в карман, поймал рукоятку парализатора и, повернувшись боком, чтобы краем глаза видеть коридор и входную дверь, сделал два шага в сторону комнаты. Бросив

быстрый настороженный взгляд на женщину, с отсутствующим видом смотревшую в стену, Ону подался вперед и заглянул в комнату.

Трехрожковая люстра с уродливыми пластиковыми плафонами, сжатыми в гармошку на манер детских праздничных фонарей. Из трех ламп горит только одна – в комнате полумрак. Окно, как и положено, забрано жалюзи с обломанными концами – зачем открывать окно, если на улице Ночь и до рассвета еще четыре больших цикла. У окна включенный экран – уродливый ящик на тонких ножках, который получает в подарок каждая молодая семья, оформившая брак по всем правилам культа Ше-Шеола. Центральный канал, как обычно, транслирует какую-то дребедень – не то беседу за жизнь с сексуальными извращенцами, не то вялотекущий спор толкователей священной книги То-Кабра. И те и другие невыносимо скучны и одинаково омерзительны. Шкаф, детская кроватка. На кровати, отвернувшись к стене и закутавшись с головой в одеяло, кто-то спит – явно не взрослый, скорее всего действительно дочь хозяйки. Других спальных мест нет, – должно быть, хозяйка раскатывает матрас и спит на полу. Маленький квадратный столик у стены – пара грязных тарелок, полупустой стакан с какой-то мутноватой жидкостью и нож. Нож Ше-Кентаро отметил особо – столовый, но с острым концом, вполне может быть использован как оружие. Кресло – самый громоздкий предмет мебели, занимающий едва ли не полкомнаты, – стоит спинкой к двери, так, чтобы сидящему в нем было удобно смотреть экран. Кстати, и нож со стола он может взять, только протянув руку. Того, кто сидел в кресле, Ше-Кентаро не видел, но, если женщина сказала правду и варк находится в комнате, то нет для него другого места. Не в шкаф же он, в самом деле, спрятался?

– Эй, – позвал негромко Ше-Кентаро. – Я ловец, и я пришел за тобой.

Нож по-прежнему лежал на столике рядом с перемазанной красным соусом тарелкой.

– Он не слышит.

Ше-Кентаро бросил быстрый взгляд на хозяйку.

– Давно?

– Десять малых циклов, – женщина с безразличным видом пожала плечами, – может быть, пятнадцать... Около того.

– Ма-ше тахонас! – едва не в полный голос выругался Ше-Кентаро.

Варк, который уже не слышит, – это наполовину труп. А эта идиотка держит его в одной комнате с ребенком!

Ситуация была критическая, но Ше-Кентаро голову не потерял. Он еще раз быстро глянул на женщину – все так же стоит у стены, опустив голову, впериw взгляд в вытертое местами до дыр дипластовое покрытие на полу, будто и не понимает, что происходит, – затем бросил взгляд на входную дверь – замок заперт. Два шага вперед. Правой рукой Ону скинул со столика нож, а левой дернул за спинку кресла, разворачивая его к себе.

В кресле сидел варк. Он не только ничего не слышал, но уже и не соображал, что происходит, – безумный взгляд выпученных, будто вот-вот готовых вывалиться из орбит глаз, устремленный в пустоту. Что он надеялся там увидеть и видел ли вообще хоть что-то, о том уже ни один варк не мог рассказать. Нижняя губа, широкая, мертвенно-фиолетовая, треснувшая ровно посередине, отвисала едва не до подбородка. Багровый комок языка еле умещается во рту. Слюна, сочащаяся из угла рта, капает на желтую майку с эмблемой Та-Рухского колледжа. Волосы на голове варка похожи на свалывшуюся паклю. Ше-Кентаро знал, что стоит провести по волосам расческой, и они начнут вылезать клочьями. Зубов у сидевшего в кресле варка скорее всего тоже уже не осталось. О смраде, что источала разлагающаяся плоть, все еще каким-то чудом державшаяся на костях скелета, можно и не говорить. Работая с варками, Ше-Кентаро привык не обращать внимания на запах, но всякий раз, покончив с делами, непременно отдавал всю одежду в стирку и долго стоял под горячим душем, растирая тело жесткой щеткой, стараясь избавиться от ощущения въевшейся в кожу вони.

Ше-Кентаро только взглянул на руки варка, – кисти распухли, словно ошпаренные кипятком, рисунок вен, похожий на схему железных дорог, проступает из-под кожи, пальцы без ногтей – и понял, что этот варк не его. Кожа варка точно тоненькая, чуть подсохшая желатиновая пленка – тронь, и она тут же лопнет, выпустив фонтанчик насыщенной вирусами гнойной лимфы. Только безумец на месте Ше-Кентаро мог думать о том, чтобы собственным транспортом доставить больного в управление са-турата. Чтобы избежать массивного заражения, нужно вызывать вертолет службы дезинфекции.

Ше-Кентаро достал из кармана телефон, включил табло и выбрал из меню номер дежурной станции дезинфекции. Назвав оператору код своей лицензии и дожидаясь результата проверки, Ше-Кентаро краем глаза посмотрел на хозяйку квартиры. Женщина стояла в дверях, привалившись плечом к косяку, с таким видом, будто не понимала, что происходит. Но это было не так. Ше-Кентаро была знакома подобная реакция родственников на то, что за варком наконец-то кто-то пришел: са-тураты, ловец или служба дезинфекции – без разницы. Они чувствовали облегчение от того, что бремя заботы о безнадежно больном наконец-то свалилось с их плеч, что теперь они избавлены от постоянного страха заразиться страшной неизлечимой болезнью. Постыдная радость, в которой они боялись признаться даже себе, жгла душу, точно раскаленное тавро, что оставит след на всю жизнь, хотя никто и никогда не увидит эту хопстахову отметину. В отличие от других ловцов, Ше-Кентаро не понаслышке знал о том, сколь трудно завязать память узлом.

Принявший вызов оператор сообщил, что вертолет уже в пути, и посоветовал ловцу дожидаться прибытия представителей службы дезинфекции. Можно подумать, Ше-Кентаро первый раз оказался в квартире с распухшим варком и в полной растерянности не знал, что делать. При желании Ону мог бы рассказать такое, что даже в бредовом сне не привидится оператору дезслужбы. Видел ли хоть один из них, как лопаются дошедший до кондиции варк? Вряд ли. Чаще всего варки лопаются на глазах ловцов, на долю которых как раз и выпадают самые сложные случаи. А дезинфекторы являются только за тем, чтобы упаковать в пластиковый мешок то, что остается от лопнувшего варка. Противно, да, но все же ни в какое сравнение не идет с тем, что этому предшествует.

Когда впервые на глазах у Ше-Кентаро лопнул варк, Ону поначалу не мог поверить в реальность происходящего – слишком сильно все это напоминало сцену из придурковатого фильма ужасов, в котором режиссер пытается компенсировать отсутствие таланта обилием текущих по экрану крови, слизи и гноя. Когда же сознание Ше-Кентаро наконец восстановило связь с реальностью, Ону упал на четвереньки и с болью выbleвал все, что находилось в желудке. После этого у Ше-Кентаро хватило сил только на то, чтобы вызвать дезинфекторов, которых он так и дождался, стоя на четвереньках и глядя в лужу блевотины, выглядевшую и вонявшую не столь омерзительно, как то, что осталось от лопнувшего варка. Кто-то подхватил его под мышки, оттащил в ванную и ткнул головой в раковину с холодной водой. Да, так оно и было. Девятнадцать больших циклов тому назад. После того случая Ше-Кентаро твердо усвоил, что, вызвав службу дезинфекции, ловец мог рассчитывать по крайней мере на половину той суммы, что получал, лично доставив варка в управление са-турата, только в том случае, если дождется команды.

Ше-Кентаро снова посмотрел на варка. За те несколько минут, что Ону разговаривал по телефону, тело больного как будто сделалось еще более бесформенным. Казалось, оно медленно, словно густое желе, перетекает с кресла на пол. Тонкая, полупрозрачная кожа на лице лоснилась от выступившей из пор лимфы.

- Когда отвалились ногти? – спросил у хозяйки Ше-Кентаро.
- Что? – потерянно переспросила женщина.
- Ногти, – Ше-Кентаро взглядом указал на обезображенные руки варка.

Медленно, переставляя ноги, точно заводная кукла, женщина подошла к шкафу. Открыла левую створку, запустила руку под стопку постельного белья. Повернулась, протянула ловцу небольшую круглую шкатулку – дешевка, сделанная из покрытого черным лаком папье-маше, довольно безыскусно имитирующая ручную работу.

– Что это?

– Ногти.

Женщина открыла шкатулку. Изнутри коробочка оказалась выкрашенной в красный цвет. На дне – два тоненьких мельхиоровых колечка и щепоть отвалившихся с пальцев варка ногтей с кусочками засохшей плоти по краям.

Такое Ше-Кентаро видел впервые.

– Зачем ты их собрала?

– Не знаю. – Женщина заглянула в шкатулку, словно хотела убедиться в том, что кольца и ногти на месте. – Не выбрасывать же.

– Лучше выброси, – посоветовал Ше-Кентаро.

Ногти варка не были инфицированы, но смотреть на них все равно противно. А хранить, как семейную реликвию, так и вовсе извращение.

Женщина то ли не поняла, что сказал ловец, то ли вовсе не слышала, – пожала плечами, закрыла шкатулку и сунула на прежнее место.

Ше-Кентаро обошел кресло с другой стороны, присел на корточки и снизу вверх посмотрел на варка. Большой пускал слюни и тупо пялился в стену. Дотянувшись до валявшегося на полу ножа, Ону подтащил его к себе, перехватил за рукоятку и кончиком лезвия осторожно приподнял верхнюю губу варка. Зубов он не увидел – только распухшие кровоточащие десны. То, что варк ничего не соображал, являлось дурным признаком. Еще хуже было то, что он потерял ногти и зубы. Если у варка начинают выпадать ногти, значит, он непременно лопнет. Может быть, через малый цикл, а может, через средний – у каждого свой срок. Таких варков даже в изоляторы не отправляют – запирают в боксе на станции дезинфекции и ждут, когда лопнет. Гражданское население об этом, конечно, в известность не ставили, но именно так оно и было. Ше-Кентаро как-то раз довелось спуститься в подвал одной из станций дезинфекции, где он собственными глазами видел ряды боксов, похожих на большие автоклавы, в которых дожидались конца страданий обреченные варки.

Ше-Кентаро осторожно надавил концом лезвия ножа на тыльную сторону ладони сидевшего в кресле варка. В месте контакта металла с кожей образовалась небольшая впадинка, быстро заполнившаяся мутно-желтой лимфой. Варк был готов – вот-вот лопнет.

К слову «лопнуть» легко цепляется сравнение – «как мыльный пузырь». Но варки лопаются совсем не так. Мыльный пузырь исчезает в один миг – вот он есть, и вот его уже нет. Агония лопнувшего варка может длиться часами. Общее между варком и мыльным пузырем лишь то, что в конечном итоге от варка не остается почти ничего, что напоминало бы о его первоначальном виде.

Ше-Кентаро определенно не имел ни малейшего желания присутствовать при том, как лопнет еще один варк. Сколько их уже было на его памяти? Он не считал, – наоборот, старался поскорее забыть. Но очередной лопнувший варк заставлял вспомнить о всех тех потерявших человеческий облик телах, что распались у него на глазах. В том не было его вины, и по сему поводу Ше-Кентаро не испытывал даже намека на угрызения совести. Но каждый раз, когда Ону становился свидетелем гибели варка, – вряд ли можно даже вообразить более ужасную и одновременно омерзительную смерть, – сквозь его мозг как будто проходил электрический разряд, выжигающий крошечную частицу того, без чего невозможно представить себе человека по имени Ону Ше-Кентаро. А значит, каждый раз Ше-Кентаро становился немного другим. Он сам это чувствовал. И боялся, что в конце концов потеряет самого себя. Он боялся этого, быть может, сильнее, чем Ночи и тьмы.

Если бы не деньги, полагавшиеся за обнаруженного варка, Ше-Кентаро покинул бы проклятую квартиру, не дожидаясь прибытия дезинфекторов: и забот меньше, и на душе спокойнее. Не сказать чтобы Ше-Кентаро отчаянно нуждался в деньгах, но и разбрасываться тем, что по праву считал своим, Ону не привык. Хотелось выругаться от души, но Ше-Кентаро не любил проявлять эмоции, когда на него смотрели чужие глаза. А хозяйка провонявшей трупным запахом квартиры так и стояла, прижавшись спиной к шкафу. Глянув на нее искоса, Ше-Кентаро не смог понять, на кого она смотрит – на него, на распухшего варка или на грязные тарелки, что стояли на столе.

Ше-Кентаро поднялся на ноги, кинул нож на стол – металл звякнул о стекло, – посмотрел на часы, просто так, чтобы хоть что-то сделать, заложил руки за спину и прошелся до двери. Выглянул в коридор, постучал пальцами по дверному косяку, обернулся назад. Хозяйка стоит неподвижно у шкафа, ребенок, накрывшись с головой одеялом, спит на кровати, варк медленно разлагается в кресле. По экрану скачет до ужаса вульгарная девица с безобразно огромными ягодицами, прикрытыми лишь развевающимися полосками материи, имитирующими юбку, и истошно вопит в микрофон что-то насчет рассвета, который непременно наступит, если верить и ждать. Во что верить? – хотелось спросить Ше-Кентаро. Ладно, обреченному варку уже ни до чего нет дела. Но во что должна верить женщина, хранящая его отвалившиеся ногти в шкатулке вместе с дешевой бижутерией? Чему могла поверить девочка, которой пришлось жить в одной комнате с живым трупом? Что должен принять на веру ловец, получающий деньги за каждого обнаруженного варка? Но девице на экране не было дела до тех вопросов, что задавал себе Ше-Кентаро, она все так же лихо скакала по сцене, развязно скидывая ноги. Ей не было дела ни до кого из тех, кто видел ее сейчас на своем экране. Так о чем же она думала? Во что верила она? Во что пыталась заставить поверить живущих во мраке граждан Кен-Ове? В то, что рассвет все же наступит когда-нибудь? Да, непременно наступит, только многие ли доживут до него?

Ше-Кентаро смотрел на экран, но видел уже не голоногую девицу, а радужную пелену, затягивающую пространство вокруг подобно тонкой пленке бензина, расплывшейся по поверхности лужи и переливающейся в свете яркого уличного фонаря, словно радуга, которую не видел никто из родившихся после заката. Это было похоже на легкий дурман, когда кажется, что тело становится невесомым, а разум, освободившийся наконец от оков брэнной плоти, плывет подобно пушинке, влекомой потоком воздуха, в даль бесконечную – в сторону рассвета. Такое с ним уже случалось несколько раз. Сначала Ону начинал злиться – без видимой причины, непонятно на кого, – а потом на него накатывало. Всего на несколько секунд Ше-Кентаро выпадал из реальности, уступая место другому существу, чужому, незнакомому, но при этом не таящему в себе зла. Обычно все происходило так быстро, что никто из тех, кто находился рядом с Ше-Кентаро, ничего не замечал. Но никогда прежде в такие секунды рядом с ним не было варка. Обезумевшего варка, в котором не осталось уже ничего человеческого, варка распухшего, готового лопнуть, варка умирающего, варка смертельно опасного.

Ше-Кентаро заметил движение варка, только когда тот ухватился обезображенными руками за подлокотники кресла и рывком поднялся на ноги. Варк стоял, широко расставив ноги, разведя руки в стороны, запрокинув голову, уставившись слепым взглядом в потолок. Тело варка покачивалось из стороны в сторону, как будто он пытался сохранить равновесие, стоя на палубе корабля. Ше-Кентаро сделал шаг назад. Вот уж чего он точно не хотел, так это контактировать с распухшим варком, являвшим собой зримый образ смертельно опасной болезни. Дезинфекторы, дети Нункуса, как всегда, опаздывали. А может быть, нарочно не торопились, надеясь, что ловец сделает за них всю грязную работу. Но Ше-Кентаро не собирался ничего предпринимать до тех пор, пока оставалась хоть какая-то надежда на то, что это еще не конец.

Варк шире развел в стороны руки, похожие на оковалки мяса, завернутые в тонкую полупрозрачную полимерную пленку. Желтая майка, повисшая на тонких лямках у него на плечах,

обтянула бочкообразную грудь, словно лист фирменной упаковочной бумаги. Нижняя челюсть отвалилась вниз, и из распахнутого рта варка потек странный, ни на что не похожий звук. Низкий, вибрирующий на полутонах, вначале едва различимый, скорее даже угадываемый, чем улавливаемый ухом, точно отзвук отдаленного грома, отразившийся от стены леса и растекавшийся по земле, вой варка перерос в угрожающий рокот, – казалось, вот-вот завибрируют тонкие металлические пластинки опущенных жалюзи, – и взорвался воплем отчаяния и боли, услышав который Ше-Кентаро почувствовал, как у него озноб прошел по позвоночнику и похолодели кончики пальцев. И дело даже не в том, что никогда прежде ловец не слышал, чтобы варк так страшно орал перед смертью. Крик умирающего варка не был похож на призыв о помощи или мольбу о пощаде, – разум, выжженный страшной болезнью, не осознавал того, что происходит, – это было вырвавшееся из подсознания проклятие миру.

Крик варка оборвался, когда казалось, что, заполнив все пространство вокруг, растворившись в воздухе, проникнув в стены, пол и потолок, он будет звучать теперь вечно. Варк уронил голову на грудь и замер – глиняный человек, потерявший слово, приводящее его в движение, – а Ше-Кентаро казалось, что истошный крик все еще бьет по ушам. Не сразу Ону понял, что кричит уже не варк, а женщина. Точно безумная, обхватив голову руками, она билась спиной о дверцу шкафа. В голос с ней заходила в крике сидевшая на постели плачущая девочка – худая и бледная, никогда не видевшая солнца. Спросонья малышка не понимала, что происходит, отчего ей становилось еще страшнее.

Ше-Кентаро почувствовал боль, точно острая игла впилась в сердце. Что случилось, – хотелось спросить у себя самого, – почему мне так больно? Почему-то Ше-Кентаро казалось, что ему необходимо найти ответ на этот вопрос, и он чувствовал, что может это сделать. Если бы только не варк!

Лоснящаяся кожа на руках варка начала вздуваться пузырями. Из рта текла уже не слюна, а коричневатая живица. Глазное яблоко вывалилось из левой глазницы и повисло странным плодом на красном пучке нервов. Со свистящим звуком лопнул пузырь на правом предплечье, и упругая струйка желтоватой жидкости брызнула на экран, запятнав фигуру ва-цитика – облаченный в черную форму офицера-подводника, законно избранный три больших цикла тому назад глава нации с гордым, но отчего-то немного задумчивым видом стоял на верхнем мостике новенькой, только что спущенной с заводских стапелей подводной лодки.

Пригнувшись, Ше-Кентаро бросился вперед и локтем что было сил ударил варка в живот. Варк покачнулся, но сохранил равновесие. На теле его, разбрызгивая зараженную лимфу, одновременно лопнуло несколько пузырей. Прикусив поджатые губы и зажмурил глаза – не приведи Ку-Тидок, зараза попадет на слизистые, – Ше-Кентаро обхватил варка за пояс. Удушающее зловоние ударило в нос, ладони прилипли к пропитанной гнойными выделениями майке. Рывком приподняв варка, Ше-Кентаро бросил его на пол и, не удержавшись на ногах, упал сверху. Что-то теплое брызнуло на щеку. Ше-Кентаро передернуло от омерзения – ощущение было такое, словно кожу обожгло кислотой. Рука Ону скользнула по мокрой груди варка, уперлась в подбородок, пальцы коснулись беззубых десен. Другой рукой Ше-Кентаро оттолкнулся от пола, откинулся назад, встал на колени и принялся тереть рукавом щеку, на которую попала жидкость из лопнувшего пузыря. Действие было совершенно бессмысленным, но иначе Ше-Кентаро не мог избавиться от ощущения жжения на коже, хотя и понимал, что эффект чисто психологический. И только после этого Ону открыл глаза.

Варк лежал на полу, раскинув в стороны руки и ноги, подобно чудовищному морскому моллюску, выброшенному волной на горячие камни. Одежда варка пропиталась выделениями и прилипла к телу, открытые участки кожи сделались похожими на куски губчатой массы, то и дело выбрасывающей в стороны и вверх тонкие упругие струйки. Не поднимаясь с колен, Ше-Кентаро сдернул со столика скатерть, – зазвенела полетевшая на пол посуда, – накинул ее на голову и верхнюю часть туловища варка и принялся пеленать его точно мумию. Тонкая мате-

рия тотчас же пропиталась зловонной жидкостью. Приподнявшись, Ону вытащил из кармана баллончик с антисептическим спреем, сорвал колпачок и стал разбрызгивать содержимое над завернутым в скатерть телом. Бросив опустевший баллончик, Ше-Кентаро вскочил на ноги, подбежал к не орущей уже, а надсадно хрипящей женщине, от всей души влепил ей хлесткую пощечину и рывкнул:

– Ребенка убери!

Женщина на секунду замерла с разинутым ртом, взгляд совершенно безумных глаз застыл на Ше-Кентаро. Но что-то все же пробило брешь в защите ее сознания, которое, казалось, напрочь отказывалось воспринимать реальность такой, какая она есть. Женщина схватила плачущую девочку, изо всех сил прижала ее к себе и бросилась вон из комнаты. Ше-Кентаро еле успел ухватить за край плотное полушерстяное одеяло, которое женщина едва не прихватила. Накинув одеяло поверх тела варка, Ше-Кентаро выбежал в коридор, схватил баллончик с антиспреем, что оставил возле телефона, и вернулся в комнату. Подоткнув края одеяла под все еще шевелящееся тело варка, Ону разбрызгал поверх него антиспрей, поднялся на ноги, сделал шаг назад и посмотрел на дело рук своих. Плотное упакованное в два слоя материи, тело варка едва заметно подергивалось. Что ж, Ше-Кентаро сделал все, что было в его силах. Теперь, когда варк лопнет, ошметки его тела по крайней мере не разлетятся по всей комнате. И, быть может, хозяйка с девочкой не попадут в изолятор – ловец подтвердит, что они не имели прямого контакта с распухшим варком.

Серое одеяло всколыхнулось, приподнялось, как будто укрытый под ним варк сделал попытку высвободиться, и тут же снова опало. Контуры человеческого тела под ним уже не угадывались. Все было кончено. Ше-Кентаро вытер ладони о брюки – все равно одежду придется выбросить – и посмотрел по сторонам, ища, куда бы присесть. В кресло, которое прежде занимал варк, садиться было противно, детскую кроватку не хотелось пачкать. Ше-Кентаро устало опустился на пол, прислонился спиной к стене и вытянул ноги. Он уже почти не обращал внимания на вонь. Ловец вытянул губы трубочкой, как будто собираясь свистнуть. До прибытия бригады дезинфекторов делать было совершенно нечего. А экран как назло показывает рекламу новой туалетной воды.

Глава 2

Темнота.

Вязкая, мокрая, клейкая, похожая на слежавшийся ил на дне болота – руки скользят, колени разъезжаются, словно в жидкой грязи. Прилипая к лицу, темнота вызывает нестерпимый зуд, желание содрать ее ногтями, пусть даже вместе с кожей. Разодрать лицо в кровь, чтобы кожа слезала широкими полосами. Пусть будет кровь, лишь бы не мрак, в котором ты плутаешь, как странник в зачарованном лесу – в какую бы сторону ни свернул, рано или поздно снова выйдешь туда, откуда все началось.

Нет выхода, есть только путь. Путь есть, но в темноте его не отыскать. Где же выход? Нет выхода!

Темнота.

Если даже выколоть глаза, все равно не станет темнее. Слепой от рождения в темноте имеет неоспоримое преимущество перед зрячим. Ты меня видишь? Нет. Зато я тебя чувствую!

Почувствуй меня.

Почувствуй.

Почувствуй...

Время уплывает, уходит куда-то во тьму бесконечности. Почему так происходит? Можно объяснить, но бессмысленно пытаться понять. В темноте все становится другим. Предметы не исчезают, но видоизменяются. Ты знаешь, как выглядит табурет? Горизонтальная плоскость на четырех ножках? Ха! Ну ты сказал! Так выглядит табурет при свете, а каков он в темноте, не знает никто. Ну разве что только слепой, привыкший доверять собственному воображению, имеет представление, да и то самое общее, о том, на что похож затаившийся во тьме табурет. И, скажу я тебе, табурет – это еще не самая страшная штука из тех, что прячутся во мраке Ночи.

Ну что, страшно тебе?

Страшно?

А, ты намерен поиграть в героя. Ну что ж...

Что, если тьма начнет уплотняться?

Чувствуешь?

Что-то плотно давит на грудь. Ты хочешь скинуть эту тяжесть, но руки прикованы к ложу. Кто тебя сюда уложил? Сам подумай. Когда на вопрос нет ответа, становится еще страшнее, так ведь? Ты открываешь рот, чтобы глотнуть воздуха, но кто-то невидимый заталкивает тебе в глотку тьму, точно ком ваты. Ты задыхаешься...

Жутко?

Жутко.

Но вовсе не потому, что ты боишься кошмаров, – ты ведь знаешь, что это всего лишь сон, потому что никогда не выключаешь свет; даже когда ложишься спать, оставляешь включенным ночник, – ты знаешь, что рано или поздно Ночь убьет тебя.

Убьет!

Убьет!!

Убьет!!!

Откинув влажную простыню, Ше-Киуно вырвался из сна, точно вынырнул из студеной воды, головой пробив корку льда. Опершись рукой о край постели, судорожно глотнул воздуха. Сердце успокоилось, дыхание выровнялось. Ше-Киуно облегченно перевел дух. Это был всего лишь сон. Дурной сон и только.

Ше-Киуно обвел взглядом комнату. Все как всегда. Вещи на своих местах, дверь в коридор плотно закрыта, жалюзи опущены – за окнами Ночь. Над столом горит ночник –

одна сторона каплеобразного плафона бледно-зеленая, другая нежно-лиловая. В свете ночника кажется, что и комната разделена на две половины – зеленую и лиловую. Кровать стоит у зеленой стены. Зеленый цвет успокаивает. Приятно увидеть зеленый цвет, когда просыпаешься после кошмара. Ше-Киуно привык к кошмарам, они снятся ему через раз, поэтому он и спать старается как можно реже.

Большинство людей в повседневной жизни стараются придерживаться циклического ритма – бессмысленная привычка, от которой трудно избавиться. Как гласит история, новый календарь был введен на двенадцатый большой цикл после Первого великого затемнения. Войро Ше-Чеймуру, один из величайших ученых Первого великого затемнения, вычислил новый календарь, в соответствии с которым Ночь, как и День, делится на двадцать семь больших циклов. Один большой цикл включает в себя десять средних или триста малых циклов. В соответствии с календарем Ше-Чеймуру один малый цикл равен тридцати часам. До Первого великого затемнения малый цикл – сутки, так это тогда называлось, – длился двадцать шесть часов. Разница небольшая, но запоминать круглые цифры легче. Немудрено сбиться со счета, когда за окном вечная Ночь. Хотя, наверное, вечный День не намного лучше. Вечность порождает однообразие, однообразие влечет за собой скуку, скука выливается в тоску, тоска превращается в отчаяние. Отчаяние – это боль. Ожидание боли вселяет страх.

Ше-Киуно малые циклы не считал. Он садился за стол, когда хотел есть, ложился в кровать, когда чувствовал усталость. Когда же ему становилось тоскливо, он надевал коричневую куртку из искусственной замши с полоской бахромы на спине и выходил на улицу. Ани никогда не планировал заранее, куда пойдет, – он полагался на случай. Порой вся его жизнь казалась Ше-Киуно цепью случайных событий, в чередке которых не прослеживалось явных причинно-следственных связей.

Кошмарный сон утонул в подсознании. Прошло не больше пяти минут после ужасного пробуждения, а Ше-Киуно уже не мог вспомнить детали бредовых видений. Да и какие могли быть детали, если все происходило во тьме? Темнота краля у Ани даже его сны.

Ше-Киуно медленно провел ладонью по лицу, стараясь стереть воспоминания уже не о самом сне, а о том впечатлении, что произвела на него явившаяся в кошмаре ночная тьма. То ли ладонь была влажной, то ли лицо оказалось покрыто испариной, только Ше-Киуно почувствовал не облегчение, а чувство гадливости – он вспомнил прикосновение тьмы. Во сне темнота имела форму, присущую ей, как любому материальному объекту. Но она могла видоизменяться, прикидываться чем-то другим. Ей это было необходимо для того, чтобы вводить в заблуждение, обманывать, морочить тех, кто полагал, что она не таит в себе никакой угрозы, что темноте можно доверять. У темноты была своя фактура, не похожая ни на что другое, присущая только ей одной, был запах, слабый, едва различимый, чуточку затхлый – его невозможно спутать ни с каким другим. Температура? Нет, в температурных показателях темноты, пожалуй, не было ничего необычного. Зато, если прислушаться, можно услышать звуки. Из глубины черного сердца мрака медленно выплывал скрип несмазанных дверных петель, как будто кто-то прячущийся в темноте приоткрывал дверь, а потом резко хлопал ею – в лицо ударял плотный поток воздуха, но вместо стука ударившейся о косяк филенки раздавался приглушенный писк раздавленной землеройки.

Ку-Тидок Великий! Что только не отдал бы Ани Ше-Киуно за то, чтобы однажды раз и навсегда забыть, чем пахнет, какие звуки издает, какова на ощупь темнота! Если бы он только имел возможность как-то прервать череду кошмарных видений! Если бы существовал способ вытравить гадкий осадок, остающийся на душе всякий раз после пробуждения! Каких только лекарств не перепробовал Ше-Киуно, мечтая лишь об одном – уснуть так, чтобы не видеть сны. В дело шло все – от транквилизаторов до галлюциногенов. Но седативные препараты как будто даже нравились темноте. После их приема она являлась Ше-Киуно во всей своей красе – пугающе-огромная, махровая, давящая, – а после пробуждения голова долго еще оставалась

тяжелой и мутной, заполненной обрывками гипертрофированного кошмара. Галлюциногены же делали свое дело – наполняли темноту уродливыми тварями, внимательно наблюдающими за сновидцем из своих укрытий, и поди угадай, что у них на уме. Быть может, галлюциногенные уродцы были совершенно безобидны, но Ше-Киуно все время казалось, что они только ждут момента, чтобы наброситься на него, выпустить кровь, разорвать тело в клочья, высосать разум.

Как-то раз он пришел в себя после галлюциногенного кошмара с мыслью: быть может, варки лопаются потому, что их разрывают изнутри прячущиеся во тьме чудовища? Вот ведь как получается – человек жив до тех пор, пока ему удается избегать встречи с порожденными мраком призраками. А что, если однажды эти твари переберутся из снов в реальность? Как тогда с ними бороться, если никто толком не знает, как выглядят злобные слуги тьмы? Что, если они так же, как и сама тьма, способны менять облик, прикидываться безобидными существами или хорошо знакомыми предметами? Как тогда узнать о грозящей тебе опасности? После того памятного галлюциногенного кошмара Ше-Киуно часа три просидел на кровати, закутавшись в одеяло, – парализованный противоестественным страхом, не мог заставить себя подняться на ноги. С тех пор Ани никогда больше не принимал перед сном наркотики. Когда окунаешься в кошмар с ясной головой, то по крайней мере знаешь, с чего он начнется, и примерно представляешь, чем он должен закончиться, а главное – более или менее ясно, чего следует бояться.

Хотя, с другой стороны, выйти на улицу – это все равно что окунуться в тот же самый кошмар, рядящийся в одежды реальности. Каждый затемненный проулок, каждая затянутая мглой подворотня таят в себе неизвестную опасность. Одна только тень, скользкая вслед за тобой по стене, чего стоит! Ты думаешь, что всех обманул, стороной обошел все ловушки, оставил в дураках преследователей, – хотя, если задуматься, кому ты нужен, кроме все тех же призраков, залегших за углами домов, там, где тень гуще, где их никто не заметит, – и все же ты идешь, ощущая радостную легкость в груди. В голове радужный туман, неспособный генерировать мысли. Хочется петь или, на худой конец, начать насвистывать дурацкий мотивчик, услышанный вчера с экрана – то ли в рекламе, то ли в концертной программе, которую в здравом уме ни за что смотреть не станешь, однако, переключая каналы, задержался на одном из них на пару секунд, заметив смазливую мордашку, и все, примитивное сочетание трех-четырех тактов, которое и мелодией-то не назовешь, засело в голове, точно птичья лапка, завязшая в липкой смоле. И вдруг краем глаза замечаешь движение позади себя. То стелющееся по земле, то скользкое по стенам близлежащих домов, оно явно говорит о недобрых намерениях того, кто крадется за тобой следом.

Поначалу ты стараешься сделать вид, что заметил слезку, но не придаешь этому значения: коли это мелкая шпана, задумавшая напугать, а то и обобрать случайного прохожего, то она набросится, как только поймет, что ты напуган. Если же сохранять спокойствие и самообладание, то вскоре отстанет. Но нет – тот, кто крался следом за тобой, продолжает двигаться так же быстро и бесшумно, не отставая ни на шаг. Ты произвольно начинаешь быстрее перебирать ногами – преследователь не отстает. Он движется то чуть левее, то чуть правее тебя, то прямо по твоим стопам. Ты чувствуешь, что страх, охвативший душу, вот-вот перерастет в панику. Наконец ты выходишь на ярко освещенную улицу, мимо идут люди, не вынашивающие никаких зловещих планов, на перекрестке возле припаркованной у тротуара патрульной машины негромко переговариваются о чем-то двое са-туратов. И тогда ты наконец решаешься остановиться и оглянуться. Тень, все время следовавшая за тобой по пятам, сжалась, скукожилась на свету, превратилась в попираемое ногами бесформенное пятно. Но это всего лишь обман. Тень затаилась, прикинувшись безобиднейшим на свете явлением. Она выжидает момент, чтобы снова превратиться в монстра, и, когда ты не будешь этого ожидать, набросится на тебя со спины.

Подобные мысли сами по себе никогда не уходят – требуется вычищать их из головы либо загонять так глубоко в подсознание, чтобы не напоминали о себе. Наклонившись, Ше-Киуно нашарил на полу дистанционный пульт экрана. Чтобы поскорее заснуть, Ше-Киуно обычно включал программу «Правительственный вестник» и ставил таймер на час. Под мерное журчание бессмысленных речей всенародно избранных ва-ниохов, – печать озабоченности судьбами сограждан на лице каждого второго, остальные задумчиво пялятся кто в стену, кто на пол, кто в потолок, – выдающих одну за другой прописные истины, от души приправленные банальнейшими сентенциями, заснуть проще, чем под сказку доброй нянюшки; в отличие от длинных, путаных, чаще всего откровенно бессмысленных речей народных избранников, обсуждающих очередной никому не нужный законопроект, волшебная сказка все же несет в себе определенный объем информации и, что во сто крат важнее, мощный позитивный заряд. Но смотреть «Правительственный вестник», едва открыв глаза, – это суровое испытание для психики. Сразу после пробуждения требовался звуковой поток, способный заполнить все свободное пространство комнаты, чтобы оно не казалось угрожающе пустым и пугающе безжизненным.

Ани включил музыкальный канал и сделал звук погромче. Слова до идиотизма жизнерадостной песенки скользили поверх сознания, не задевая ни один из чувственных центров. С таким же успехом можно было слушать многократно усиленный звук воды, мерно капающей из крана на дно металлической раковины. Звук как бы существовал сам по себе, не привязанный ни к чему существенному, и какое-то время, до тех пор, пока он не сделается навязчивым в своем однообразии, не требовалось почти никаких усилий, чтобы не обращать на него внимания.

Встав на ноги, Ше-Киуно почувствовал неприятное головокружение. Чтобы сохранить равновесие, Ани ухватился за спинку кровати. Ладонью другой руки прикрыв глаза, он попытался заставить себя сосредоточиться на мысли о том, что он самый счастливый человек в Ду-Морке. Так советовал психокорректор, к которому Ше-Киуно время от времени обращался за помощью. Сказать по чести, Ани не очень верил в то, что психокорректор в состоянии помочь ему решить хотя бы часть проблем, но, подобно многим другим жителям города, в той или иной степени подверженным приступам никтофобии и имеющим возможность оплатить услуги дипломированного специалиста, вроде как обученного врачеванию людских душ, посещал врача главным образом для того, чтобы иметь возможность выговориться. Ну не с экраном же разговаривать, в конце-то концов, и не с двухцветным ночником!

Но даже психокорректору Ше-Киуно не рассказывал всей правды о себе. К примеру, психокорректор не знал, что приступы головокружения случаются у Ани тем чаще, чем ближе малый цикл, когда нужно делать очередную инъекцию ун-акса. Сам Ше-Киуно проштудировал горы литературы, посвященной синдрому Ше-Варко, и нигде не нашел упоминания о таком симптоме, как головокружение. По всей видимости, это было явление психологического характера, отображающее на физиологическом уровне боязнь Ше-Киуно, что через десять малых циклов, когда придет время сделать очередную инъекцию, лекарства в обычном месте не окажется. И что тогда? Ждать, когда болезнь перейдет в активную фазу?

Ше-Киуно знал, что болезнь его неизлечима, но сам по себе сей факт не внушал Ани страха. Ходили слухи, что в высокогорных селениях Та-Нухской области никто из местных жителей не страдает синдромом Ше-Варко, а приезжие больные спустя какое-то время забывали о своем недуге. Причина такой устойчивости к заболеванию, опять-таки по слухам, крылась в некоем таинственном смолистом веществе, что добывали горцы в глубоких пещерах. Однако документально сей факт подтвержден не был, поскольку удивительное природное средство, способное даже варка излечить, в руки академических исследователей до сих пор не попало. Ше-Киуно был склонен считать, что на пустом месте слухи появиться не могут, а следовательно, хитрые горцы просто-напросто не желают никому показывать места, где добывают таинственное снадобье, прекрасно понимая, что в противном случае сами останутся ни с чем.

Одно время Ше-Киуно начал было подумывать о том, не перебраться ли в Та-Нухскую область, поближе к загадочному источнику жизни, и даже принялся копить деньги на дальнюю поездку, но очень скоро понял, насколько глупа эта затея. Деньги и необходимость регулярно принимать ун-акс, который он получал небольшими порциями, накрепко привязывали Ше-Киуно к столице. Ун-акс не мог раз и навсегда избавить от болезни, но мог приостановить ее развитие и даже перевести заболевание в латентную фазу. У человека с синдромом Ше-Варко шансов дожить до рассвета было ничуть не меньше, чем у любого другого, при условии, что он имел возможность регулярно принимать ун-акс.

Казалось бы, чего проще – хочешь жить, не забывай каждые десять малых циклов делать укол. На деле же все упиралось в то, что ун-акс было почти невозможно достать. Формула препарата являлась собственностью фармацевтического товарищества «Группа Медикор», которое и занималось выпуском ун-акса. По официальной версии, в состав ун-акса входил ряд биологически активных веществ растительного происхождения, достать которые Ночью, когда растения цвели и плодоносили только в оранжереях, было весьма проблематично. Однако уже не первый большой цикл ходили слухи, что «Группа Медикор» умышленно снижает темпы выпуска ун-акса, дабы поддерживать стабильно высокие цены на препарат. Косвенным подтверждением сей версии, становившейся все более популярной в народе, служило то, что отсутствующий в аптеках ун-акс можно было свободно купить на улице у барыги, вот только стоимость лекарства, проданного с рук, была в три-четыре раза выше отпускной цены производителя.

Каждый новый кандидат в ва-цитики обещал непременно решить проблему бесперебойного снабжения нуждающихся ун-аксом по общедоступным ценам. И один из них как-то раз даже взялся было за дело. Только пыл его заметно поугас, едва вновь избранный ва-цитик понял, что без поддержки тех, в чьих руках находятся деньги, необходимые для регулярного смазывания основательно проржавевших шестерней государственной машины, долго он на своем месте не продержится. А в списке наиболее прибыльных предприятий, что составлялся по итогам большого финансового цикла, «Группа Медикор» неизменно оказывалась на третьем месте – следом за «Кен-Ове-Электроэнергия» и «Ген-модифицированными белками Ше-Матао». Вновь испеченный ва-цитик мог успокоить совесть, ежели таковая имелась в наличии, тем, что избиратели давно уже не принимают всерьез обещания тех, за кого отдают голоса.

Задумавшись, Ше-Киуно случайно нажал кнопку на пульте и переключил экран на первый канал. Высокий плечистый ва-ниох с наголо выбритым черепом, смахивающим по форме на земляной куранский орех, – его никто даже разгрызть не пытается, зная, что скорлупа у ореха толстая и прочная, а ядрышко до смешного крошечное, – и с сытой, лоснящейся физиономией вещал с трибуны Палаты государственных размышлений что-то насчет необходимости экономить электроэнергию, для чего умник предлагал прекратить выпуск лампочек мощностью выше сорока свечей. Слушая вполуха народного избранника, Ше-Киуно попытался вспомнить, когда в последний раз ходил на выборы? По здравом размышлении выходило, что первый и последний раз Ани Ше-Киуно посетил избирательный участок двадцать два больших цикла тому назад. Выбирали городского главу. Юному Ани только-только исполнилось семнадцать, и, получив право голоса, он добросовестно исполнил свой гражданский долг. Помнится, отправляясь на избирательный участок, он надел свой лучший костюм и даже подвязал воротник рубашки шнурком с золотой нитью. К выборам ва-ниохов в Палату государственных размышлений Ани стал на три года старше. Иллюзии по поводу демократичности всенародного волеизъявления благополучно развеялись, и Ше-Киуно со спокойной совестью выборы проигнорировал.

Странная вещь память. Порой изо всех сил стараешься вспомнить имя или название, которое знаешь наверняка, изводишься, из кожи вон лезешь, перебирая похожие по фонетике или смыслу слова, а нужное ускользает, точно кусочек подтаявшего желе, когда пытаешься

поймать его двумя пальцами. А то вдруг ни с того ни с сего память выдаст что-нибудь такое, о чем ты вроде и не думал вовсе и, казалось, давно забыл. Ну с чего, спрашивается, вспомнил вдруг Ше-Киуно о тех самых первых для него выборах городского главы, имени которого Ани, кстати, вспомнить не мог? Ладно бы, просто так вспомнил, так ведь шнурок с золотой нитью на шее – вот что оказалось главным в воспоминаниях о событиях давностью в двадцать два больших цикла. В юности, да и сейчас Ше-Киуно нечасто повязывал шнурком воротник рубашки, только в особо торжественных случаях, поэтому, отправляясь на избирательный участок, Ани слишком туго затянул шнурок и, ставя крестик в пустом квадратике выданного ему бюллетеня, думал не о том, за кого голосует и зачем он вообще это делает, а о том, как бы поскорее вернуться на улицу и распустить наконец сдавивший шею узел.

Поджав недовольно губы, Ше-Киуно повел подбородком, будто и сейчас чувствовал праздничный шнурок на шее, а потом еще и ладонью по шее провел, ухватил двумя пальцами кожу, оттянул и только после этого улыбнулся. Видел бы Ани эту улыбку в зеркале – самому бы тошно стало.

Сунув ноги в теплые домашние шлепанцы, Ше-Киуно подтянул трусы, убавил звук экрана и кинул пульт на кровать. Проглотив острейшее желание немедленно заглянуть в узкий верхний ящичек письменного стола, Ани направился в ванную, чтобы добросовестно воспроизвести им же самим установленный ритуал.

Все необходимые действия Ше-Киуно совершал не спеша. Медленно. Значительно медленнее, чем обычно. Своего рода медитация: если сосредоточить все внимание на размеренных, неторопливых, почти плывущих движениях – наклон головы, поворот кисти руки, движения пальцев, – то это помогает забыть о верхнем ящичке письменного стола. Во всяком случае, можно хотя бы сделать вид, что забыл.

Итак...

Взгляд скользит по столешнице – чуть шероховатый темно-фиолетовый пластик с блестящей никелированной окантовкой – и хитро, вроде как случайно, сползает вниз.

Нет, заставляет себя улыбнуться в душе Ше-Киуно, сначала ванная. И он снова идет в ванную.

Временами Ше-Киуно кажется, что как-нибудь, глянув в зеркало, он увидит там другого человека. Быть может, это будет он сам, но он не сможет узнать себя. Это была вовсе не игра слов, – Ше-Киуно казалось, что однажды именно так и случится, – и страх перед ужасным концом обреченных варков здесь тоже был ни при чем: настоящее превращение не имело ничего общего со страшной болезнью, до неузнаваемости обезображивающей людские тела. К тому же варки, готовые лопнуть, уже не сознают того, что с ними происходит. Что произойдет в тот момент, когда собственное лицо покажется Ше-Киуно чужим? Станет ли он другим человеком или кто-то, кого Ани даже не знает – не видел ни разу в жизни! – вселится в его тело? Ше-Киуно боялся момента перерождения так же, как боялся Ночи, – страх, причина которого остается неизвестной, противоестественная жуть, заползающая в сердце, подобно червяку, буравящему рыхлую землю, тупо и бессмысленно, – и вместе с тем ждал, когда же наконец произойдет эта странная метаморфоза, которую он сам для себя придумал. Вот только зачем? Или нет, он ничего не придумывал, а каким-то непостижимым образом чувствовал или предугадывал то, что было предначертано судьбой?..

Нет.

Нет.

И еще раз – нет.

В том смысле, что не нужно думать о том, что не имеет смысла.

Хотя если так рассуждать, то бессмысленной окажется сама жизнь.

А кто сказал, что это не так? Кому удалось хотя бы раз тем или иным способом доказать обратное?

Вода – мокрая, лед – холодный, жизнь – дерьмо. Кто это сказал?.. Какая разница, кто, если так оно и есть!..

Не думать ни о чем, просто совершать привычные простые движения, не торопясь, спокойно, очень медленно.

Ше-Киуно поднял руку и провел ладонью по зеркалу. Все хорошо – он видит в зеркале себя. Но если очень долго смотреть на свое отражение, то рано или поздно начнешь находить незнакомые черты. Ну, например, Ше-Киуно точно помнил, что три малых цикла не выходил из дому, а следовательно, и не брился. Почему же в таком случае – он провел ладонью по подбородку – щетина едва заметна?

Как бы там ни было, нужно побриться, хотя бы для того, чтобы завтра не задавать себе тот же дурацкий вопрос.

Не глядя в зеркало, Ше-Киуно аккуратно расставляет на стеклянной полочке флаконы и баночки: одеколон, туалетная вода, крем для бритья. Справа на самом краю он поставил стаканчик с бритвенным станком, чтобы было удобно брать. Немножко крема на ладонь. Когда Ше-Киуно натирает щеки и подбородок кремом для бритья, взгляд его лишь скользит по отраженному в зеркале лицу, не фиксируя деталей. Свое лицо в зеркале Ани видит каждый день вот уже на протяжении тридцати девяти больших циклов. Он настолько привык к нему, что даже не замечает, как черты лица изменяются со временем, становятся более резкими и одновременно невыразительными. Сколько Ше-Киуно себя помнил, он всегда хотел быть именно таким. Он мечтал научиться растворяться в толпе, чтобы всегда и везде оставаться незамеченным.

– Простите, вы не встречали Ани Ше-Киуно?

– А кто он такой?

– Трудно сказать...

– Как он выглядит?

– Ну... Он очень похож на вас!

– Нет, определенно я с ним не знаком.

Ше-Киуно нравился не столько конечный результат, сколько сам процесс бритья. Он медленно проводил лезвием по щеке, снимая одну за другой белые полоски мыльного крема, из-под которого проступала чистая розовая кожа. Одна щека, затем другая, после шея и подбородок и только в самом конце – верхняя губа. Новое лезвие не дергало, а аккуратно, почти незаметно срезало щетинки. Глядя на себя в зеркало, Ше-Киуно старался не думать о том, что, когда он брился последний раз, лезвие было тупым, но Ани, как обычно, поленился сразу заменить его, а потом забыл.

Смыв тоненькие ниточки крема, оставшиеся на лице после бритья, Ше-Киуно так же неторопливо, старательно не замечая того, что тюбик зубной пасты заметно похудел, почистил зубы.

Если не обращать внимания на мелочи вроде самозатачивающихся лезвий, исчезающей куда-то зубной пасты, сломанных зубочисток в одной коробочке с новыми – Ше-Киуно никогда не позволял себе подобного, – или счетов за электроэнергию, которые кто-то оплачивает без ведома владельца квартиры, то и со многими другими странностями можно смириться и принимать их как должное. Да и вообще, странным принято называть то, что происходит крайне редко и никак не вписывается в сложившуюся систему мировосприятия. А если не странность, так что тогда? Чтобы не сойти с ума, Ше-Киуно неукоснительно следовал правилу, которое сам же и сформулировал: чего нельзя понять, к тому можно привыкнуть. Впервые он произнес эти слова много, очень много больших циклов тому назад. Когда узнал, что у него синдром Ше-Варко.

Все, туалет завершен.

Ше-Киуно вытер лицо полотенцем, взял с угловой полочки широкую расческу, провел ею по влажным волосам и снова посмотрел на себя в зеркало. Сегодня он себе определенно

нравился. Бодрый вид, здоровый цвет кожи, задорный блеск глаз. Возраст выдает только цвет волос – темно-русый. У тех, кто родился Ночью, волосы светлые, почти бесцветные. Ше-Киуно расчесал волосы на ровный прямой пробор. Он не собирался обесцвечивать волосы, подобно тем своим сверстникам, что приударяли за молоденькими девицами. Ше-Киуно был вполне доволен тем, как выглядел в свои тридцать девять, у него не было пассивности, ради которой он хотел бы скинуть пять-семь больших циклов, к тому же он боялся, что с выбеленными волосами будет просто смешно. За плечами Ани остались тридцать девять больших циклов, шесть из которых пришлось на светлое время Дня, и он не собирался отказываться ни от одного из них.

Выйдя из ванной, Ше-Киуно не спеша оделся. Майка, тонкий темно-синий свитер под горло, серые бесформенные штаны, выглядевшие так, будто он их неделю не снимал. Десять больших циклов тому назад весь Ду-Морк – молодые и старые, мужчины и женщины, – все как один носили мятые штаны. С тех пор мода раза три кардинально поменялась, а Ше-Киуно как влез однажды в мятые штаны, так больше и не вылезал из них. Можно, конечно, сказать, что он нашел свой стиль, хотя на самом деле мятые штаны были просто удобны, подходили почти к любому случаю и подолгу носились – обновлять гардероб требовалось не чаще одного раза в большой цикл. Последний аргумент был особенно весомым, поскольку Ше-Киуно не умел и не любил выбирать себе одежду. В магазин за обновой он отправлялся только в случае крайней необходимости и чаще всего покупал то же самое, во что был одет.

Глянув на невнятно бормочущий экран, Ше-Киуно поморщился недовольно, поискал взглядом пульт и, не найдя, нажал сетевую клавишу на передней панели. Минуту-другую Ше-Киуно стоял неподвижно, опустив голову. Глядя на погасший экран, он пытался вспомнить, не забыл ли что? Да, конечно, завтрак!

Кухня была такой крошечной, что в свое время Ше-Киуно с невероятным трудом удалось втиснуть в нее холодильник, колонку для посуды и небольшой квадратный столик. Или мебель уже стояла на своих местах, когда Ани въехал в квартиру? В датах Ше-Киуно никогда не путался. Последний раз он переехал на новую квартиру двенадцать больших циклов тому назад, на двадцать первом большом цикле Ночи. А вот почему он решил сменить место жительства? Ше-Киуно в задумчивости прикусил нижнюю губу. Кажется, он из-за чего-то повздорил с домовладельцем. Но что именно послужило причиной ссоры, Ани не помнил. Вообще-то Ше-Киуно считал себя человеком исключительно мирным и все конфликты стремился разрешать путем переговоров. Помнится, он был крайне удивлен, когда узнал, что жестоко избил домовладельца и тот собирается подавать на него жалобу в комиссию по гражданским конфликтам. Каким-то образом скандал удалось замять, но с квартиры Ше-Киуно пришлось съехать. Впрочем, впоследствии он об этом не жалел. Район, в который перебрался Ани, был уважаемее, а потому и спокойнее, чем тот, где он жил прежде. Вот только откуда появились деньги на то, чтобы оплачивать двухкомнатную квартиру в престижном районе?

Для того чтобы избавиться от вопросов, ответы на которые искать так же бессмысленно, как, вооружившись театральным биноклем, считать звезды на небе, у Ше-Киуно имелось несколько наработанных приемов. Проще всего было представить, что мысли – это разноцветные костяные шары, каждый размером с кулак. Сталкиваясь с глухим стуком, они разлетаются в разные стороны для того, чтобы встретиться там с другими шарами. Наблюдая мысленным взором за игрой разноцветных шаров, очень быстро забываешь, что за смысл был заложен изначально в каждый из них. Когда же шары становятся просто шарами и не более того, остается точным ударом закатить их в темную глубину подсознания и оставить там до лучших времен, которые, быть может, и не наступят никогда. В голове пусто – значит, и на душе спокойно. Самое время, чтобы заняться завтраком.

Ше-Киуно, не глядя, достал из морозильника одну из пластиковых коробок с готовым завтраком. У Ани имелся богатый опыт потребления быстрозамороженных продуктов, а потому он точно знал, что один завтрак отличается от другого только этикеткой на коробке.

Каким бы именем, позаимствованным из гастрономической книги Дня, ни нарек свое изделие производитель, на вкус они все были одинаковы. Судя по этикетке на коробке, что волею случая оказалась в руках Ше-Киуно, сегодня на завтрак у Ани будет «овощное рагу под мясным соусом». Овощи, быть может, были и настоящие, а вот что послужило основой для создания «мясного соуса», оставалось только гадать. Две из трех коробок с продуктами быстрого приготовления, что стоят бок о бок на магазинных полках, изготовлены товариществом «Ген-модифицированные белки Ше-Матао», хранящим свои производственные секреты так же свято, как истинный ка-митар блюдет обет безбрачия.

На всплывающее время от времени требование обнародовать исходный состав производимых товариществом продуктов ответ был неизменно один и тот же. Сначала представители товарищества делали крайне удивленные глаза – народ хочет знать, что он кушает? Да что вы говорите? Серьезно? После непродолжительной паузы они скорбно разводили руками – ну что ж, в таком случае народ вообще не будет ничего кушать. Мы останавливаем производство. На это трудно было что-либо возразить. В условиях Ночи, длящейся тридцать семь больших циклов, даже кратковременная приостановка выпуска продуктов питания таким производственным гигантом, как «Ген-модифицированные белки Ше-Матао», могла, – да что там могла, – как пить дать обернуться бы катастрофой. Кроме того, не следует забывать и о том, что «Ген-модифицированные белки Ше-Матао» неизменно вкладывали серьезные деньги в каждую предвыборную кампанию. Ходила даже шутка, от которой до истины было меньше шага: для того чтобы узнать, будет ли всенародным голосованием избран новый ва-цитик или же окажется продлен срок полномочий прежнего, нужно отпечатать только один избирательный бюллетень и попросить заполнить его уважаемого гражданина Ше-Матао, – и быстрее выйдет, и деньги на выборах сэкономить удастся немалые.

Содрав с пластиковой коробки целлофановую пленку, Ше-Киуно сунул завтрак в микроволновку и включил таймер на пять минут. Теперь Ани имел полное право заглянуть в верхний ящик стола. Разве нет? Ше-Киуно смущенно пожал плечами, как будто извиняясь перед кем-то за то, что собирался сделать, постучал непонятно зачем по стеклянной дверце микроволновки и не спеша направился в комнату. Войдя в спальню, Ше-Киуно еще и по сторонам посмотрел задумчиво, как будто запамятовал, что ему тут нужно. Ну да, конечно, он собирался заглянуть в стол. Вот только зачем? Ани сосредоточенно нахмурил брови и вытянул губы трубочкой, как будто собирался свистнуть. Это была игра с самим собой, которой Ше-Киуно предавался истово и самозабвенно. Чего ради? Еще один вопрос из ряда тех, задавать которые не следовало, поскольку ответов на них не существовало.

Все еще продолжая делать вид, будто не помнит точно, что ищет, Ше-Киуно подошел к столу. Взяв за спинку стул на тонких металлических ножках, Ани приподнял его, – чтобы не беспокоить соседей внизу, – и переставил на другое место. Затем Ше-Киуно присел на стул и медленно провел ладонью по подбородку, как будто хотел проверить, хорошо ли выбрит. Теперь для того, чтобы открыть ящик стола, достаточно было протянуть руку. Но Ше-Киуно все еще медлил. Почему? Он и сам не знал ответа на этот вопрос. За двадцать пять больших циклов не было случая, чтобы, заглянув в условное место, менявшееся только при переезде на новую квартиру, Ше-Киуно не обнаружил там кредитку и ампулу с ун-аксом. Казалось бы, пора привыкнуть. Но всякий раз, перед тем как убедиться в том, что все осталось, как прежде, а значит, чудеса продолжают, Ани чувствовал, как сердце начинает колотиться с такой силой, точно вознамерилось проломить ребра и выпрыгнуть из грудной клетки. Что, если на этот раз он ничего не найдет? Ага! Хороший вопрос? В рейтинге вопросов, способных поставить Ше-Киуно в тупик, он занял бы первое место, опередив даже вопрос о смысле жизни, хотя последний, бесспорно, начал занимать Ани несколько раньше. Да только что толку, если к ответу на него он с тех пор не приблизился ни на йоту. Протягивая руку за лекарством и деньгами, Ше-Киуно самому себе бывал противен, поэтому обычно, прежде чем заглянуть в стол, Ани какое-

то время сидел неподвижно, сложив руки на коленях. Нужно было успокоиться, собраться с мыслями и, самое главное, решить, что он станет делать, если вдруг... Вот он, искомый смысл жизни!

Извещая о том, что время вышло, звякнул таймер микроволновки. Вздвогнув всем телом, Ше-Киуно с отчаянной решимостью выбросил правую руку вперед и дернул на себя ящик стола. Зацепившись за что-то, ящик с первого раза не открылся. Вскочив на ноги, Ше-Киуно в полный голос выругался, помянув и Ку-Тидока, и Пи-Риеля, и детей его вместе с матерью, да еще и Ше-Шеола до кучи, что было сил ударил кулаком по столу в том месте, где находился ящик, и снова рванул на себя. Если бы кому-то в этот миг удалось заглянуть Ани в глаза, он увидел бы в них не злость и не надежду, а лишь отчаяние – такое, что хоть головой вперед в окно, проламывая жалюзи и сдирая кожу о стекло. Да возрадуется Создатель тому, что, когда Ше-Киуно открыл ящик стола, рядом с ним никого не было.

Ани Ше-Киуно судорожно вздохнул – точно подтаявший кусок маргарина проглотил, поднял ослабевшую руку и провел кончиками пальцев по лбу, влажному от выступившей испарины. Все было на месте – и кредитка на предъявителя, и ампула с ун-аксом. Ани попытался улыбнуться – не кому-то, кто мог наблюдать за ним, а самому себе, – но улыбка получилась болезненно-вымученной, способной не приободрить, а скорее вывести из себя, как насмешливая гримаса. Протянув руку, Ше-Киуно провел пальцами по кредитке, затем двумя пальцами подхватил ампулу с лекарством – небрежно так, вроде как ненужную вещь из стола выбросить хотел, и свободной рукой задвинул ящик. Поднеся зажатую меж пальцев ампулу к глазам, Ани слегка встряхнул ее. Пять миллилитров запаянной в стекло чуть желтоватой жидкости, дарующей возможность жить спокойно еще десять малых циклов. Всего десять малых циклов – немного, если не думать о том, что они могут оказаться для тебя последними. Десять малых циклов, каждый из которых украден у кого-то, кто не смог купить очередную ампулу ун-акса.

Нет, Ше-Киуно никогда не чувствовал себя виноватым перед теми, кому было суждено превратиться в уродливых варков, потерять рассудок, сгнить заживо и лопнуть, подобно запущенному в стену перезрелому каскору. Даже в мыслях Ани не причислял себя к их числу. Он существовал сам по себе, в стороне от прочих людей, от города, в котором жил, по улицам которого должен был ходить. Он в полной мере воспринимал окружающий мир, но не считал себя его частицей. Мир не был добр к нему, так почему же он должен испытывать сострадание к кому бы то ни было? Ше-Киуно совершал свой путь сквозь Ночь, из пустоты небытия изначального к пустоте окончательного небытия. В отличие от тьмы, пустота не внушала ему страха, но, прежде чем погрузиться в нее, Ани необходимо было увидеть рассвет – единственный в его жизни. Чтобы дожить до рассвета, он должен использовать ампулу, которую держал в руке. И никаких угрызений совести.

Ше-Киуно достал из стола пневмошприц, привычным движением большого пальца откинул защелку приемной ячейки, вложил в нее ампулу, снова закрыл и оттянул поршень. Приложив конец шприца к предплечью, Ани прикрыл глаза и нажал на спуск.

Едва слышный хлопок воздуха, загнавший лекарство под кожу.

Все.

Никаких ощущений.

Порой Ше-Киуно даже хотелось чувствовать после инъекции боль, ну на худой конец хотя бы жжение в том месте, где был введен препарат. Так нет же – ничего! Поди угадай, ун-акс был в ампуле или же подкрашенная водичка?

Ше-Киуно вынул из шприца использованную ампулу с раздавленной головкой, понюхал ее для чего-то и кинул в мусорную корзину. Шприц – на место, в стол, – до следующего раза. Теперь можно было и кредитку проверить.

Вложив пластиковый прямоугольник в контрольный кармашек бумажника, в котором еще оставалось несколько мелких купюр, Ше-Кентаро удостоверился в том, что стал богаче

ровно на тысячу триста рабунов. Если разделить на сто, то получится счастливое число, соответствующее количеству детей, родившихся от брака властителя судеб Ку-Диока со смертной девой Торн из рода Ут-Крок. Ше-Киуно нравились древние боги и истории об их деяниях. Ортодоксальная церковь Ше-Шеола подобный интерес не одобряла, но Ше-Киуно не было до этого никакого дела, и он не собирался, подобно многим, создавать хотя бы видимость соблюдения основополагающих религиозных обрядов. Ка-митаров, пытавшихся всучить ему книгу То-Кабра по явно завышенной цене, а заодно предлагавших изгнать из квартиры призраков Ночи, Ше-Киуно гнал с порога, не стесняясь. А ежели изгнанный служитель культа Ше-Шеола нацеливался на то, чтобы пометить его дверь желтым крестом, Ше-Киуно показывал церковнику похожий на пистолет пневмошприц, после чего даже самый отчаянный ка-митар обращался в бегство.

Тысяча триста рабунов – более чем достаточно, чтобы не задумываться о том, как прожить десять малых циклов. Можно даже позволить себе поразвлечься – засесть часов на пять в каком-нибудь приличном кабаке, где играет живая музыка, выпить как следует и, может быть, познакомиться с какой-нибудь очаровательной представительницей противоположного пола, не отличающейся особой строгостью нравов. Да, пожалуй, так он и сделает. И не станет он думать о том, откуда взялись кредитка и лекарство. Пусть это будет просто чудо. Чудо, повторяющееся с периодичностью в десять малых циклов и ни разу за пятнадцать больших циклов не сбившееся с графика. А почему бы и нет, если другого объяснения все равно не существует? Если пытаться найти разумное объяснение происходящему, то следовало предположить, что, пока Ше-Киуно спал, некий таинственный благодетель незаметно проник в запертую квартиру, прокрался в спальню Ани, положил в стол кредитку и лекарство и так же тихо и незаметно ушел. Бред полнейший. Легче поверить в чудо. Или просто обо всем забыть.

Ше-Киуно поступил так, как делал на протяжении вот уже многих больших циклов, – захлопнул бумажник и сунул его в карман.

На кухне в микроволновке ждал остывающий завтрак, есть который Ани не собирался.

Глава 3

Свет делает тьму контрастной.

Наверное, именно поэтому, когда идешь со стороны окраины, кажется, что Предрассветная улица расширяется, подобно устью реки, перед тем как влиться в площадь Согласия. Расположенная неподалеку от центра города улица, на которой размещались по большей части мастерские фотохудожников, небольшие видеосалоны, аптеки, книжные магазины и дорогие – очень дорогие! – магазины одежды, оставалась тихой и спокойной. Двухрядное движение почти не мешало прогуливающимся по ярко освещенным тротуарам компаниям и парочкам. Горожанам нравилось то, что на Предрассветной много красивых витрин, нравились добрые, улыбающиеся лица прохожих, нравились ровные, вымощенные булыжником мостовые, нравилось, как после дождя растекаются по ним лужи, а в лужах мерцают отсветы фонарей. Даже само название улицы – Предрассветная – казалось, несло в себе некий высший смысл: каждый из тех, кто отбивал каблуками свой собственный ритм на ее звонких мостовых, мечтал, конечно, о чем-то личном, но все они надеялись дожить до рассвета.

Именно сюда, в секторное управление са-турата на Предрассветной улице, ехал порой через весь город Ше-Кентаро, чтобы сдать отловленного варка, хотя мог сделать это в любом другом месте. Причина была достаточно веской для того, чтобы жечь бензин: в секторном управлении на Предрассветной работал не сказать чтобы друг, но хороший знакомый Ше-Кентаро. Старшего инспектора са-турата Торо Ше-Марно Ону знал без малого пятнадцать больших циклов – почитай, с тех самых пор, как начал варков собирать. Благодаря этому знакомству Ше-Кентаро не приходилось подолгу просиживать в канцелярии управления, заполняя кучу никому не нужных форм только ради того, чтобы получить причитающееся по закону вознаграждение.

В силу жизненной необходимости Ону то и дело приходилось иметь дело со служащими, приписанными к тем или иным деталям, а то и вовсе к запчастям впечатляюще огромной и дико неповоротливой государственной машины. В результате длительных наблюдений за этой особой породой людей Ше-Кентаро пришел к выводу, который вряд ли можно назвать оригинальным: чем ниже должность госслужащего, чем меньшими полномочиями он наделен, тем больше у него гонора и тем труднее иметь с ним дело нормальному человеку, привыкшему разговаривать на языке живых людей и ничего не смыслящему в канцелярской тарбарщине. Подсунет эдакий канцелярский чмур ничего не подозревающему посетителю анкету из ста сорока восьми пунктов, которую требуется аккуратно заполнить печатными буквами в строгом соответствии с образцом, а между тем заляпанный чернилами и затертый едва не до дыр образец упрятан под мутным поцарапанным листом плексигласа, так что разобрать на нем что-то практически невозможно, да к тому же вокруг толкуются еще человек десять, каждый с такой же анкетой в руках. Что, спрашивается, бедолаге делать? Естественно, идти на поклон все к тому же чмуру, вообразившему себя Ку-Тидоком новоявленным: кого хочу – казню, кого хочу – милую. И ведь хочешь не хочешь, все время приходится иметь дела то с бумажками, бесполезными и бессмысленными, то с людишками никчемными, бумажками этими распоряжающимися, поскольку все в целом это называется системой государственного управления, ма-ше тахонас ее к Нункусу!

В довершение всего рядовые са-тураты здорово недолюбливали таких, как Ше-Кентаро. Пареньки из глухих провинций, лишь недавно ступившие на мостовые Ду-Морка, почему-то были уверены в том, что премиальные ловцов – это деньги, которые могли бы оказаться в их карманах. Ясное дело, считать чужие деньги все мастера. Вот только взялся бы кто из этих умников в униформе по доброй-то воле за ту работу, что тащили на себе ловцы? То-то и оно!

Одно дело – начистить физиономию мальчишке, стащившему радиоприемник из машины, и совсем другое – с варком дело иметь, которому по сути-то и терять уже нечего. Не одному Ше-Кентаро доводилось слышать истории о ловцах, подцепивших болезнь Ше-Варко. Одних варки кусали, других царапали, а Ше-Лойхо, с которым Ону был знаком семь больших циклов, заболел после того, как слюна плюнувшего ему в лицо варка попала на слизистую глаза.

В секторном управлении са-турата на Предрассветной улице все вопросы решались легко и просто. Ше-Кентаро сдавал варка дежурным, расписывался в ведомости и выходил на улицу. Минут через десять-пятнадцать к нему подходил старший инспектор Ше-Марно и вручал конверт с деньгами. Порой Ше-Кентаро удивлялся, с чего это вдруг Ше-Марно делает ему поблажки? Ведь если бы ко всем ловцам было такое отношение в управлении на Предрассветной, так все они только здесь бы и толклись. Ону вопросов на сей счет никогда не задавал – не страдал Ше-Кентаро чрезмерным любопытством, которое, как известно, не одну живую тварь сгубило, – а Ше-Марно вел себя так, словно для него все это в порядке вещей. Так все оно и шло: Ше-Кентаро доставлял в управление варков, а Ше-Марно аккуратно и без проволочек выплачивал ему премиальные.

Небольшое трехэтажное здание управления са-турата располагалось во внутреннем дворе позади магазина готовой одежды. Дорогой, надо сказать, магазин. Ше-Кентаро как-то зашел в него, рассчитывая купить новую куртку взамен той, что после доставки в управление очень уж несговорчивого варка пришлось выкинуть, да вскоре вышел, озадаченно затылок почесывая. На Предрасветной все магазины недешевы – такой уж район, излюбленное место отдыха горожан с достатком, – но то, что Ше-Кентаро увидел в магазине одежды, превосходило все разумные пределы. Впрочем, все зависит от начальной точки отсчета – что принимать за показатель разума? Ше-Кентаро сам определил для себя те границы, в которых надеялся удержаться, несмотря на ежедневный кошмар, в каком приходилось жить. Но, может быть, это и есть самое настоящее безумие, которое ловцу приходится принимать за норму только потому, что он не в состоянии из него выбраться? Что, если адекватно оценивать происходящее вокруг способен лишь тот, кто не задумываясь выкладывает за брюки, которые, быть может, и не надеет ни разу, сумму, что Ше-Кентаро получает за двух доставленных в управление варков? Мир, погруженный во тьму, выворачивает наизнанку все привычные представления, делает простое сложным, абсурдным – возможным, нелогичное – понятным всем и каждому.

Приезжая в управление са-турата на Предрасветной, Ше-Кентаро оставлял машину на служебной стоянке. Это тоже была привилегия и еще одна причина, по которой Ше-Кентаро предпочитал сдавать варков старшему инспектору Ше-Марно. В другом управлении са-турата дежурный ни за что не позволит ловцу поставить свою машину на служебную стоянку. Приходится парковаться на платной автостоянке и с полквартала тащить упирающегося варка, делая при этом вид, что не замечаешь презрительных, а то и откровенно ненавидящих взглядов прохожих. Или же ставить машину у тротуара, зная, что, вернувшись, непременно встретишь возле нее довольно ухмыляющегося са-турата из того же самого управления, в котором ты только что побывал, мечтающего лично вручить тебе квитанцию штрафа за неправильную парковку.

Вот тоже парадокс – в отношении са-туратов гражданское население настроено вполне терпимо. Конечно, всенародная любовь к са-туратам была всего лишь мифом, что, выполняя госзаказ, упорно пытались вживить в умы и души граждан работники средств массовой информации. Про са-туратов рассказывали анекдоты, но насмешка – это ведь еще не презрение и уж тем более не проявление враждебности. Ловцам же постоянно приходилось сталкиваться и с тем и с другим. Порой Ше-Кентаро думал, все дело в том, что в своей серой униформе все са-тураты на одно лицо. А если шлемы защитные с забралами нацепят, – иначе они на операцию и не выезжают, – так и вовсе лица не разглядеть. Ну как, скажите на милость, можно ненавидеть серую безликую однородную массу? Ловец же – вот он, стоит перед всеми с открытым лицом. Стыдиться ему нечего, потому что он честно зарабатывает свои деньги, выполняя работу, за

которую возьмется далеко не каждый. Да, несомненно, работа у ловца не в пример грязнее, нежели у са-турата, так ведь и результативность ее не в пример выше. Если бы не ловцы, варки давно бы уже заполонили Ду-Морк. Ше-Кентаро даже думать не хотел, сколько он один их собрал за истекший большой цикл. Но с каждым циклом варков в столице становилось все больше. Что происходило в провинциях, достоверно известно не было. Во всяком случае, Ше-Кентаро информацией на сей счет не располагал. Да его это не очень-то и занимало. Есть больные, так будут и ловцы – вот и весь сказ. А как же иначе?

И все равно, хотя управление са-турата на Предрассветной улице не было похоже на другие, Ше-Кентаро предпочитал не задерживаться там дольше необходимого. Сдал варка, заполнил все необходимые бумаги – и на выход. Двор управления, обнесенный невысоким забором, ярко освещен софитами, как площадка для той-пена, фонарных огней, освещающих подъезды соседних домов, почти не видно, потому и кажется, что тьма за забором непроглядная, как выросший до гигантских размеров чернильный монстр. В детстве Ше-Кентаро пририсовывал множество щупальцеобразных конечностей кляксам, то и дело забиравшимся в его ученические тетради, а после жаловался, что это чернильные монстры мешают ему заниматься. Вот и сейчас – стоишь на ярко освещенном крыльце управления, а из-за забора на тебя пялит безумные глаза притаившийся в темноте чернильный монстр. Только и ждет, чтобы схватить. И если вдруг когда-нибудь все софиты разом погаснут...

Ше-Кентаро сбежал с крыльца, быстро, но все же стараясь, чтобы это не было похоже на позорное бегство, пересек двор, не глядя, сунул в руки дежурному разовый пропуск и выбежал за ворота. Тугой резиновый обруч, сдавивший грудь, растянулся, ослаб, сделался почти незаметным. Ше-Кентаро нырнул в подворотню и выбежал на главную улицу. Странно, но страх темноты, персонифицированный в образе чернильного монстра, охватывал Ону только при выходе из здания управления са-турата. Вероятно, все дело в том, что, когда он тащил в управление варка, думать приходилось совсем о другом. Например, о том, как глянула на тебя та симпатичная девушка с длинными светлыми волосами, гладко зачесанными назад, когда ты входил в подворотню, волоча за собой плачущего мужчину со скованными руками. Интересно, что она подумала? Тут многое имеет значение. Например, известно ли ей о секторном управлении са-турата, прячущемся во дворике позади модного магазина? А еще заходила ли она когда-нибудь в этот магазин? Кстати, сам ты на ее месте что подумал бы?..

Ше-Кентаро вышел на улицу, освещенную яркими радостными огнями. Светом заливали проезжую часть и тротуары фонари, похожие на странных гигантских насекомых, с высоты своего огромного роста удивленно наблюдающих за людьми, мельтешащими у них под ногами. Разноцветными огнями мерцала рекламная иллюминация в окнах магазинов. Люди, проходившие мимо Ону, держали в руках разноцветные бумажные фонарики или выбрасывающие снопы ярких искр шутейские огни. И каждый, с кем случайно встречался взглядом Ше-Кентаро, приветливо ему улыбался. Конечно, ведь сейчас они не видели в нем ловца варков. Он был только прохожим, по какой-то непонятной для окружающих причине выпавшим из потока гуляющих. И все же Ону потребовалось какое-то время для того, чтобы прийти в себя и тоже начать улыбаться в ответ.

Все было хорошо.

Очень хорошо.

Удивительно хорошо.

Настолько хорошо, что это казалось невозможным.

А потому вызывало настороженность.

Ше-Кентаро знал, что улыбка, которой он одаривал весело машущие ему фонариками влюбленные парочки, была искусственной. Вымученной. Улыбка была привычной маской, за которой ловец прятал свое истинное лицо, хотя и сам не знал, от кого и зачем. Или все же знал, но не желал самому себе признаться?..

Продолжая растягивать губы в резиновой улыбке, похожей на ту, что малюет на своем лице клоун, которого через пару минут на арене станут бить палкой, чтобы рассмешить заплатившую за представление публику, Ше-Кентаро затравленно глянул по сторонам. Проще всего вернуться домой, запереться в квартире, включить музыку так громко, чтобы не слышать, как соседи станут стучать в стену, не раздеваясь, упасть на кровать, уставиться в потолок и пролежать так малый цикл. А может быть, и два. Пока не захочется есть. А аппетит после работы с варками пропадает надолго.

Но прежде следовало дождаться инспектора Ше-Марно, который должен принести конверт с премиальными. Они договорились встретиться у дверей управления, но, выйдя на улицу и не увидев Ше-Кентаро, инспектор догадается, где его искать. За большие циклы их знакомства такое уже случалось не раз. Но ни разу инспектор Ше-Марно не спросил Ше-Кентаро, почему он не дождался его в условленном месте. Может быть, ему это просто неинтересно? Ше-Кентаро придерживался именно такой версии, потому что ему очень хотелось в это верить. Ону дорожил добрыми отношениями со старшим инспектором Ше-Марно и надеялся, что тот никогда не станет задавать ему вопросы, на которые он не хочет отвечать. Казалось бы, как все просто. Но на самом деле нет ничего более сложного, не поддающегося взвешенному анализу и беспристрастной оценке, чем отношения между людьми.

Ше-Кентаро прошел мимо сияющей витрины, в которой были выставлены огромные двуручные вазы и устрашающих размеров кувшины с тонкими длинными горлышками, напоминающие диковинных птиц, которых Ону видел в книге по истории. Если верить учебнику, до Первого великого затемнения такие птицы обитали на континенте Кен-Ино. В те времена в Кен-Ино жили не только удивительные птицы с длинными изогнутыми шеями – название их Ше-Кентаро, как ни старался, не мог вспомнить, – но и люди. Много людей. История гласит, что жители Кен-Ино нередко устраивали набеги на Кен-Ове, переправляясь через разделявший их океан на огромных кораблях с рядами пушек по обоим бортам, позволявшими обстреливать прибрежные крепости. Трудно сказать, что они искали в чужой земле.

Как-то раз Ше-Кентаро смотрел по телевизору передачу, в которой высказывалось предположение, что астрономы Кен-Ино каким-то образом умудрились заранее вычислить дату Первого великого затемнения, после чего верховный ва-цитик Кен-Ино бросил все свои силы на завоевание Кен-Ове – единственного места на всей планете, где у людей был шанс выжить. Но Кен-Ове, не обладавший таким же мощным боевым флотом, как у Кен-Ино, выдержал многолетнюю осаду и победил в решающей битве, ценой которой, как оказалось, была жизнь нации. Правда, поговаривали, что победа была одержана не за счет беззаветной доблести воинов Кен-Ове, а благодаря налетевшему внезапно урагану.

Не виданный по своей силе шторм, пять малых циклов кряду бушевавший на всем южном побережье Кен-Ове, потопил или выбросил на берег большую часть вражеских кораблей, доставивших главные ударные силы Кен-Ино. У противника уже не оставалось времени, чтобы собрать новый флот для штурма неприступных берегов Кен-Ове. Наступило Первое великое затемнение, и государства Кен-Ино не стало. А Кен-Ове, в несколько раз уступавшее своему великому соседу как по размерам, так и по численности населения, выжило. И продолжает жить, несмотря на то что, вопреки заявлениям оптимистов, День и Ночь так и не сделались короче. Кто так распорядился – судьба или история? Впрочем, какое это сейчас имеет значение? Ночью Кен-Ино скован льдами, Днем превращается в раскаленную пустыню. Ни одна из восьми экспедиций, побывавших в Кен-Ино, не смогла обнаружить никаких признаков жизни. Судя по документам, обнаруженным в столице Кен-Ино, все его жители погибли в Первое великое затемнение.

Но, глядя на вазы и кувшины, казавшиеся вырезанными из гигантских осколков стекла горных духов, что добывали в Та-Пардитских горах, Ше-Кентаро думал не о тех, кто умер, не дожив до наступления нового Дня, а о том, для чего стоят здесь эти сосуды. Чтобы привлечь

внимание праздно гуляющей публики, или же они действительно выставлены на продажу? Всякий раз, проходя мимо этой витрины, Ше-Кентаро задавал себе один и тот же вопрос. И каждый раз не находил ответа. Можно было зайти в магазин, чтобы поинтересоваться выставленными в витрине изделиями, но Ше-Кентаро опасался, что, когда услышит цену уникальных изделий, вид у него будет невообразимо глупый. Оказаться поставленным в глупое положение, когда чувствуешь себя абсолютно беспомощным и не можешь вразумительно ответить на заданный тебе вопрос, не потому, что не знаешь ответа, а потому, что мысли разбегаются в разные стороны, точно грызлы по углам, – Ше-Кентаро боялся этого больше, чем быть запертым в одной клетке с вот-вот готовым лопнуть варком.

На углу здания стояла палатка торговца горячим джафом, украшенная по углам гнутыми стеклянными трубками, по которым время от времени пробегали разноцветные огни. Джаф у него, как и все на Предрассветной, стоил едва ли не вдвое дороже, чем в любом другом месте. Но зато напиток, как и положено, подавался в парпаре – сосуде овальной формы, сделанном из теплоизоляционного пластика, с небольшим отверстием в верхней трети, куда вставляется раздавленная на конце соломинка, чтобы крупинки распаренного джафа не попадали в рот. Прежде в качестве сосудов для традиционного напитка жителей Кен-Ове использовали вычищенную скорлупу парпаровых орехов – отсюда и происходит название. Но нынче такой увидишь разве что только в музее. Или в доме какого-нибудь невозможно богатого сноба, не знающего, куда деньги девать. Даже на официальных приемах в резиденции ва-цитика джаф подавали в пластиковых парпарах. Хотя скорее всего делалось это не в целях экономии, а для того, чтобы не раздражать понапрасну потенциальных избирателей.

Взяв предложенный ему парпар, Ше-Кентаро сделал шаг в сторону и остановился на границе света и тени. Тень была бледная, едва приметная, не внушающая не то что страха, а даже легкого беспокойства, но все равно Ону старался держаться от нее в стороне – срабатывал не разум, а инстинкт. Поймав губами соломинку, Ше-Кентаро осторожно потянул напиток. Джаф оказался что надо: чуть горячее – и можно обжечься, немного прохладнее – и не почувствуешь густого терпкого вкуса настоящего джафа. И сахара было добавлено точно в меру – только чтобы слегка ослабить смолянистую горечь, но не полностью подавить ее. Ше-Кентаро сделал глоток и довольно улыбнулся. Удивительный напиток джаф. Казалось бы, ничего особенного, просто горячий отвар перетертой в пыль древесной коры, а выпьешь – и сразу жизнь другой кажется. Сердце радуется непонятно чему, а душа как будто радостно повизгивает, точно приласканный щенок. Или только он один, Ше-Кентаро, это чувствует, а другие пьют джаф, просто чтобы жажду утолить или согреться в ненастный день? Вот бы спросить у кого.

Не вынимая соломинки изо рта, Ше-Кентаро скосил взгляд на невысокого мужчину плотного телосложения, ожидавшего у окошка палатки, когда ему приготовят джаф. Лицо у мужчины красное, очень недовольное. Дышит тяжело, как будто бежал к палатке с джафом, и то и дело вытирает платком коротко стриженный затылок. Было в нем что-то неприятное. Быть может, та нервная суетливость, с которой он постукивал пальцами по прилавку, как будто желал таким образом поторопить готовившего джаф парня? Или то, как он неловко переступал с ноги на ногу? Глядя на него, можно решить, что он пытается сохранить равновесие, стоя на зыбкой, уплывающей из-под ног почве. Как бы там ни было, спрашивать у потного толстяка, чем ему нравится джаф, Ше-Кентаро не стал. Да и что мог сказать ему этот тип? В лучшем случае какую-нибудь банальность. В худшем – гадость. И в любом случае он будет прав – не пристало приличному гражданину приставать к незнакомцу с глупыми вопросами.

Ше-Кентаро повернул в сторону улицы, собираясь вернуться к ведущему во двор проулку, и едва не столкнулся со старшим инспектором Ше-Марно.

– Джаф попиваешь? – улыбнулся инспектор.

Ше-Кентаро улыбнулся в ответ – растерянно и немного смущенно. Обычно он внутренне готовился к встрече со старшим инспектором – придумывал слова, которые нужно будет ска-

зять, когда тот протянет ему конверт с деньгами, подбирал соответствующее выражение лица, еще парочку расхожих фраз, что непременно следовало произнести, прежде чем расстаться, но сегодня Ше-Марно застал его врасплох, когда Ону думал совершенно о другом.

– Твое, – Ше-Марно протянул Ону плотный синий конверт.

Ше-Кентаро взял конверт свободной рукой, помял его пальцами и сунул во внутренний карман куртки.

– Пересчитывать не будешь? – без улыбки спросил инспектор.

Ше-Кентаро отрицательно мотнул головой и, чтобы как-то оправдать свое молчание, принялся старательно тянуть джаф через соломинку. Но, когда Ону оторвался от торчащей из парпара соломинки, Ше-Марно все так же стоял рядом и смотрел на него. Станный взгляд у инспектора. Очень странный. Ше-Кентаро предпочел бы, чтобы Ше-Марно смотрел на него насмешливо, но нет, взгляд инспектора спокоен и сосредоточен. Знать бы, о чем он сейчас думает?

– Джаф нужно пить, пока он горячий, – произнес Ше-Кентаро смущенно, словно оправдываясь за что-то, чего и сам не понимал.

– Верно, – коротко кивнул Ше-Марно. – Иначе не возрадует он душу.

Принявшийся было снова за джаф, Ше-Кентаро от удивления едва не поперхнулся – инспектор почти в точности повторил его мысли. От неожиданности такого совпадения Ону даже не обратил внимания на то, что Ше-Марно всего лишь процитировал строчку из известного стихотворения, которое в школе учил каждый. А Ше-Марно словно ничего и не заметил – полез в карман, достал бумажник.

– Тебе еще парпар взять?

Ше-Кентаро вконец растерялся. Парпар, что держал он в руке, почти опустел, допить можно было одним глотком, и, в принципе, Ону был не прочь выпить еще джафа. Но предложение Ше-Марно было слишком уж необычным. С чего бы вдруг старшему инспектору секторного управления са-турата угощать ловца варков?.. Хотя если подумать, то почему бы, собственно, и нет? Сейчас они не инспектор и ловец, а просто знакомые, мирно прогуливающиеся по залитой разноцветными огнями иллюминации Предрассветной улице. Они сейчас ничем не отличаются от прочих прохожих.

– Ну так что? – Ше-Марно помахал зажатой между пальцами синей купюрой в десять рабунов.

Чувство настороженности, давно уже ставшее привычным и включавшееся почти автоматически, стоило Ше-Кентаро выйти за порог своего дома, надежно блокировало все остальные нервные реакции. Да, Ше-Кентаро был не прочь выпить еще парпар джафа. Да, Ше-Марно был ему приятен, и компания старшего инспектора была интересна Ону. Но подсознание тут же выбрасывало предательский вопрос: с чего это вдруг инспектор са-турата приглашает ловца выпить с ним джафа? Ше-Кентаро быстро перебрал в уме все возможные варианты и не нашел ничего, от чего можно было бы оттолкнуться. Так что же ответить на предложение Ше-Марно? Ону всегда старался работать чисто, не нарушая явно правил, установленных для ловцов. Незарегистрированный парализатор и баллончик с антисептическим спреем, купленный у барыги, Ше-Кентаро предусмотрительно оставил в машине. В карманах у него только бумажник и удостоверение личности. Да, еще конверт, что вручил инспектор. В любом случае разумно было бы отказаться от предложения Ше-Марно, дабы не искушать судьбу, которая и без того не слишком-то благосклонна к ловцам варков. Но для отказа требовался благовидный предлог. А Ше-Кентаро как назло не мог ничего придумать – импровизации всегда давались ему с трудом и чаще всего получались какими-то вялыми и неубедительными. В конце концов Ону непременно бы что-нибудь да придумал, но Ше-Марно ни на секунду не выпускал его из-под контроля.

– Эй, Ону, ты, часом, не заснул? – Синяя банкнота порхала по воздуху перед глазами, не позволяя сосредоточиться ни на чем другом и, по сути, не оставляя Ше-Кентаро выбора.

Ону одним глотком допил джаф, кинул парпар в корзину для мусора и суетливо полез в конверт за деньгами.

– Э, нет, оставь. – Инспектор ловко спрятал банкноту в кулак и легонько толкнул Ше-Кентаро в плечо. – Я угощаю.

Ше-Кентаро не успел ничего ответить – снова начал сортировать слова, пытаясь выбрать нужные, а Ше-Марно уже расплачивался с продавцом джафа. Ону быстро огляделся – как в квартире варка, когда нужно первым делом определить источники потенциальной опасности и наметить путь к отступлению. В данной ситуации это не имело никакого смысла, но опять-таки сработал не то профессиональный навык, не то природный инстинкт: если чувствуешь опасность, нужно первым делом думать о том, куда бежать.

– Прощу, – Ше-Марно с улыбкой протянул Ону парпар со свежесваренным джафом.

– Спасибо, – поблагодарил Ше-Кентаро.

Инспектор сделал глоток. Глядя на него, Ше-Кентаро также поднес соломинку к губам.

– Может быть, пройдемся? – предложил Ше-Марно и взглядом указал в сторону площади Согласия.

Место, где они стояли, и в самом деле было не очень удобным. Шумный поток гуляющих обтекал их, прижимая к стеклянной витрине, в которой мелькали разноцветные огни – так часто и так ярко, что рябило в глазах. Отказываться было просто глупо, поэтому Ше-Кентаро ничего не ответил, лишь плечом дернул: мне, мол, без разницы. Ше-Марно едва заметно улыбнулся, переложил парпар в левую руку, правой деликатно взял Ону за локоток, и они зашагали не спеша вниз по улице, туда, где разливалось озеро света, которое они собирались переплыть.

– У меня же машина! – спохватился вдруг Ше-Кентаро. – Я ее на стоянке оставил!

– Так что ж с того? – мягко улыбнулся инспектор. – Это же стоянка управления са-турата.

– Так те же са-тураты... – начал было Ше-Кентаро.

– Ничего с твоей машиной не случится. – Ше-Марно поплотнее прижал локоть спутника и доверительным тоном добавил: – Я отвечаю.

Пользуясь тем, что в свободной руке у него был парпар с джафом, Ше-Кентаро ухватился за спасительную соломинку. Ону не понимал, какого ответа ждет от него Ше-Марно, но полагал, что, пока пьет джаф, молчание его по крайней мере не выглядит невежливым. Джаф, хотя и горячий, почему-то показался Ше-Кентаро совершенно безвкусным. А толпа, слева и справа обтекавшая гуляющих под руку инспектора и ловца варков, уже не выглядела праздничной. Теперь Ше-Кентаро казалось, что каждый из тех, чьи лица на мгновение возникали перед ним и снова растворялись в многоликой людской массе, пришел сюда для того, чтобы решить какой-то очень важный, не терпящий отлагательства вопрос. Иначе почему в их быстрых, суетливых, а порой даже нервных взглядах сквозит только озабоченность, слегка оттененная тоской? Почему все они так напряжены? Ма-ше тахонас, чего все они боятся? Они же свободные люди! И наверняка каждый, кого ни спроси, свято верит в то, что никогда и ни за что, ни при каких обстоятельствах не подцепит болезнь Ше-Варко. Естественно! Ше-Варко – это болезнь низов, где скапливаются исключительно отбросы общества! Во всяком случае, такова официальная версия, утвержденная Министерством гражданского здоровья. Но ловцы-то знают, что это не так. Однако все как один держат язык за зубами – нет такого ловца, что любил бы болтать о своей работе. Интересно вам было бы послушать о том, как лопается распухший варк?

– Ты давно работаешь ловцом?

И вновь Ше-Кентаро не сразу нашел, что ответить, – настолько созвучным его мыслям оказался заданный инспектором вопрос. Какое ему дело до работы ловца? Ше-Кентаро ухватился губами за соломинку – из пустого парпара раздался характерный звук. Ше-Марно взял из руки Ше-Кентаро опустевший парпар и поставил его на край лотка, мимо которого они

проходили. Лоточник удивленно посмотрел сначала на парпар, потом на Ше-Марно, но так ничего и не сказал.

– Хочешь? – инспектор протянул Ше-Кентаро свой парпар, в котором еще оставался джаф.

– Нет, спасибо, – отрицательно мотнул головой Ону.

– Я спросил тебя о твоей работе, – напомнил Ше-Марно.

– Ну... – замялся Ше-Кентаро, сам не зная почему. Интерес, что проявлял к работе ловца Ше-Марно, казался странным, но в то же время вопрос его как будто не таил в себе никакого подвоха. Быть может, он просто старается поддержать беседу? – Пятнадцать больших циклов... Что-то около того.

– Девятнадцать, – уточнил Ше-Марно.

Ше-Кентаро искоса глянул на инспектора. Ше-Марно смотрел не на собеседника, а на застекленную витрину, в которой были выставлены муляжи животных и птиц. Не так давно, непонятно, с чего вдруг, возникла мода украшать квартиры подобными изделиями. Ше-Кентаро это казалось проявлением древней первобытной дикости. Но свое мнение он, как обычно, держал при себе. В конце концов, никому нет дела до того, что думает по тому или иному поводу ловец варков. И все же – Ше-Марно точно знал, сколько больших циклов Ше-Кентаро тянет работу ловца. Выходит, специально наводил справки?

– Что ты хочешь знать, уважаемый?

Ше-Марно перевел взгляд на Ону. И улыбнулся – светло, как разве что только дети и умеют.

– Правду ли говорят, что опытный ловец может по внешнему виду определить человека с болезнью Ше-Варко, даже если он заразился всего несколько малых циклов тому назад и сам не знает, что болен?

– Нет, – отрицательно качнул головой Ше-Кентаро.

– Но тебе ведь доводилось слышать об этом?

– Конечно, – не стал отпираться Ше-Кентаро. – Я даже пару раз встречал людей, которые утверждали, что обладают такой способностью. Только при проверке все они ошибались в десяти случаях из десяти.

– То есть, – инспектор прищурился, как показалось Ону, слегка недоверчиво, – в работе ловца нет ничего сверхъестественного?

– Обычная работа, – равнодушно пожал плечами Ше-Кентаро. – Не лучше и не хуже любой другой, за которую платят деньги.

– Ну да, ну да. – Инспектор быстро и коротко кивнул – раз и еще раз. – Каждый выбирает работу...

Ше-Марно осекся, не закончив фразы, – видно, сообразил, что едва не выдал банальную сентенцию, которая в данной ситуации могла обернуться откровенной глупостью.

– Порой так случается, что у нас просто нет выбора. – Улыбка на губах инспектора была не то извиняющейся, не то ободряющей. – Так ведь, Ону?

Ше-Кентаро неопределенно пожал плечами и что-то невнятно промычал. Он все еще не мог понять, к чему инспектор завел этот разговор? К чему эта прогулка по людной улице? Сколько раз Ону должен сказать «нет», чтобы Ше-Марно наконец отвязался от него?

– Нет, – угрюмо произнес Ше-Кентаро.

Решительно выдернув локоть из-под руки инспектора, Ону поднял воротник куртки, хотя на улице не было холодно, и глубоко засунул руки в карманы мятых брюк темно-бирюзового цвета – одно время в таких красовалась едва ли не половина Ду-Морка. Нынче мода уже не та. Ну и Хоп-Стах с ними всеми – у Ше-Кентаро своя голова на плечах! Понравились брюки, да и цена устраивала, – вот и купил!

– Нет? – удивленно посмотрел на Ше-Кентаро инспектор. – Что значит «нет»?

– «Нет» значит «нет», – все так же мрачно отозвался Ше-Кентаро.

– «Нет» значит «нет», – как будто в задумчивости повторил следом за ним Ше-Марно.

И тут же снова улыбнулся: – Исчерпывающее объяснение.

Ше-Кентаро тяжело и медленно потянул носом воздух – точно флюх перед дракой, когда ту-катор размахивает у него перед носом желтой тряпкой.

– Успокойся, Ону. – Инспектор осторожно, почти нежно коснулся кончиками пальцев локтя Ше-Кентаро. – Я тебе не враг.

Кто же ты тогда? – хотел было спросить Ше-Кентаро, но смолчал: в будущем ему еще не раз придется обращаться к инспектору Ше-Марно, чтобы быстро и без проволочек оформить доставленного варка. А вопрос был отнюдь не праздный – Ше-Кентаро все сильнее нервничал, ожидая, когда же наконец Ше-Марно перейдет к делу.

А инспектор молчал.

И вот так, молча, они дошли до конца Предрассветной улицы. Площадь Согласия переливалась разноцветными огнями, словно огромный сказочный корабль, на котором Ше-Тварх пересек море вечной тьмы, чтобы найти страну, где нет дня, но нет и ночи, где люди не рождаются, но и не умирают, где никто не знает, что такое добро, потому что все давно забыли, что такое зло. Бесконечный поток машин плавно обтекал большое прямоугольное здание Выставочного зала ва-цитика, в котором можно было увидеть самые претенциозные и невыразительные работы современных художников. Чуть дальше – комплекс правительственных зданий, в незапамятные времена, еще до Первого великого затемнения, обнесенный высоченной стеной и не так давно, уже при нынешнем ва-цитике, перестроенный, так что теперь издали он был похож на выросший из-под земли гигантских размеров кристалл медного купороса. Слева невообразимо дорогой отель «Ду-Морк», вокруг которого щедрыми пригоршнями разбросаны увеселительные заведения на любой вкус – резвись, коли при деньгах!

Ше-Марно подошел к самому краю тротуара, – машины пронеслись мимо него, едва не цепляя боковыми зеркалами, – заложил руки за спину и медленно качнулся с носков на пятки. Ше-Кентаро стоял в шаге позади него, ожидая, что последует за этой прелюдией. Инспектор обернулся и недовольно, но одновременно как-то дурашливо, вроде как и не всерьез вовсе, наморщил нос.

– Не нравится мне здесь.

Ну и что с того? – подумал Ше-Кентаро. Зачем пришли-то, если не нравится? Вслух же он произнес только одно слово:

– Нормально.

На лице инспектора на мгновение появилось игривое выражение, будто он собирался передразнить Ше-Кентаро. Но вместо этого он подошел к Ону и по-приятельски хлопнул по плечу.

– В двух шагах отсюда есть славный подвальчик. Держат его трое братьев – выходцы из Та-Пардита. Обстановка там спокойная, кухня домашняя, а цены вдвое ниже, чем в других окрестных заведениях.

– Так не бывает, – качнул головой Ше-Кентаро.

– Поверь мне.

– Так не бывает, – уперто повторил Ше-Кентаро.

– Мне там делают специальную скидку. – Ше-Марно улыбнулся. – Как постоянному клиенту.

Ше-Кентаро хмыкнул и снова качнул головой.

– Ну так что, зайдем?

– Что? – Взгляд у Ону был еще более непонимающим, чем интонация.

– Зайдем, говорю, в подвальчик? – Улыбка Ше-Марно растеклась поперек лица, так и лучившегося дружелюбием. – Посидим, выпьем малость, поболтаем.

– О чем? – насторожился Ше-Кентаро.
– Ну? – удивленно вскинул брови Ше-Марно. – Неужели нам не о чем поговорить?
– Нет, – отрицательно качнул головой Ону.
– Да неужели? – сделал вид, что страшно удивлен, инспектор.
– Нет, – на этот раз Ше-Кентаро еще и отрицательный жест рукой сделал.
– Кончай, Ону. – Лицо Ше-Марно приобрело серьезное выражение. – Можно подумать, у тебя сейчас полно дел.
– Мне домой надо.
– Тебя там семья ждет?
Ше-Кентаро прикусил губу.
– Нет у тебя семьи, Ону, – тихонько, можно сказать, деликатно усмехнулся Ше-Марно. – Никого у тебя нет, друг ты мой дорогой.

Сказал – и, повернувшись к Ше-Кентаро спиной, не спеша зашагал вдоль проезжей части. Он шел, не оглядываясь, точно был уверен, что Ону непременно последует за ним. И, если Ше-Марно действительно так думал, то он не ошибся – помедлив секунду-другую, Ше-Кентаро поплелся за ним следом. А, собственно, что еще ему оставалось? Теперь уже его желание не играло никакой роли. Ше-Кентаро необходимо было узнать, о чем собирался поговорить с ним инспектор. И, ма-ше тахонас, Ону не ожидал от этого разговора ничего хорошего. Изъяви старший инспектор са-турата желание получать процент с каждой премиальной выплаты ловца, – это стало бы для них обоих наилучшим выходом из сложившейся ситуации. Ше-Кентаро уже думал об этом и, если бы аппетит инспектора не был безграничным, дал бы согласие на сделку. Но нет, на уме у Ше-Марно, похоже, было что-то совсем другое.

Перейдя узенькую улочку, параллельно с Предрассветной вливающуюся в площадь Согласия, Ше-Марно остановился и посмотрел через плечо на угрюмо тащившегося следом за ним Ше-Кентаро. Ону показалось, что он заметил на лице инспектора торжествующую усмешку, хотя, конечно, это могли быть только отсветы разноцветных огней, освещавших лоток, с которого шла бойкая торговля огненными фонтанчиками, искристыми свечами и прочей пиротехникой.

Когда Ше-Кентаро поравнялся с инспектором, Ше-Марно снова подхватил его под локоть и быстро, настойчиво, не давая времени сосредоточиться и как-то выразить свое недовольство, повлек Ону за собой мимо гуляющей публики, веселой, не понимающей, что происходит вокруг, мимо сплящих фар проносящихся по площади машин, мимо ярко освещенных витрин, мимо разноцветных лампочек на лотках торговцев джафом и прочей снедью, – вдаль от света и огней, во мрак ночи!

Увидев тень, собравшуюся прыгнуть на него из темного проулка, Ше-Кентаро почувствовал, как похолодели его ладони. Автоматическим движением Ону сунул свободную руку в карман, трясущимися пальцами поймал упаковку стимулятора, крепко сжал ее и вдруг с ужасом понял, что в пластиковой полоске не осталось ни единой капсулы. О, Нукус, когда же он проглотил последнюю?

– Держи себя в руках, Ону, – крепче прижал его локоть к своему боку Ше-Марно.
– Что? – едва слышно пролепетал Ше-Кентаро.

Тени, обступившие его со всех сторон, закрывали обзор. Он уже не видел, куда ведет его Ше-Марно. И почти не помнил, с чего вдруг решил пойти куда-то вместе с инспектором.

– Держи себя в руках! – громче, требовательнее повторил Ше-Марно.
– Ма-ше тахонас, – совсем уж невпопад ответил Ше-Кентаро.
– Тахонас, тахонас, – быстро и безразлично согласился инспектор.

Абсолютно утратив ощущение собственного тела, Ше-Кентаро не мог даже представить, как он выглядит сейчас со стороны. Удастся ли ему хотя бы самостоятельно переставлять ноги

или инспектор тащит его за собой, точно набитую ватой тряпичную куклу? Лишь крошечный участок сознания Ше-Кентаро отчаянно цеплялся за краешек ускользающей реальности.

– Как ты находишь своих варков, Ону? – Голос Ше-Марно звучал приглушенно, смазанно, едва слышно, будто между ним и Ше-Кентаро был набит толстый слой плотной стекловаты. – Честно, а? Просто вылавливаешь их из толпы? – Сквозь заполняющий уши монотонный гул, похожий на многократно усиленный и искаженный виброкоодаерами шум прибора, Ше-Кентаро различил сдавленный смешок инспектора и сразу представил, как тот покачал при этом головой – недоверчиво, почти с насмешкой. Ону даже сумел удивиться – чего смеяться-то, он сам никогда не говорил такого. – Не верю...

Ужас выползал из темных провалов между домами и, стелясь, беззвучно скользил по черному асфальту. Ше-Кентаро никогда не выходил из дома без непочатой упаковки ун-акса. Если упаковка в кармане оказалась пустой, значит, другую он оставил в машине. Он ведь не собирался на прогулку, просто хотел дождаться инспектора, получить деньги и поехать домой... Почему инспектор не боится темноты? Заранее, зная, куда пойдет, наглотался ун-акса или же, в отличие от Ше-Кентаро, не страдал никтофобией?.. Насколько же он старше Ше-Кентаро? На пять-семь больших циклов... И что это значит?.. Ровным счетом ничего... Инспектор мог ничего не знать о страхах Ше-Кентаро. В таком случае будет лучше, если он ничего о них и не узнает. Но если знал... Получается, он намеренно потащил Ону через темный проулок, хотя наверняка имелся и другой путь. Какому идиоту может прийти в голову открывать кабак в таком месте, которое многие предпочитают обойти стороной?..

Что дальше?..

Дальше привычная логика изменяла Ше-Кентаро. Стараясь удержать в повиновении тело, он терял контроль над мыслями, которые текли куда им вздумается, плавно огибая тревожившие Ше-Кентаро вопросы. Ну, тут уж ничего не попишешь. А если и напишешь, то не прочтешь. Да и кому нужно разбирать бессмысленные каракули, выписанные рукой идиота?

– Кто ты такой, Ону Ше-Кентаро?

Кто спрашивает?

– Я?..

– Кто ты?

Ше-Кентаро не успел придумать подходящий ответ. Да, собственно, и придумывать ничего не нужно – ответы на подобные вопросы у него всегда были наготове. Но где они теперь? Нет ничего, Ночь поглотила мир. Тьма скользит над землей, подобно черному муару, безмолвная и почти неосязаемая, взрывающаяся вверх волна ужаса. Тени сгущаются, обретают форму, и вот уже ночные призраки выходят на охоту.

– Кто ты?.. Протяни руку... Если, конечно, не боишься, что ее откусят!..

Реальность обрушилась на Ше-Кентаро, подобно взрывной волне, – ошеломив и едва не сбив с ног. Непроизвольно Ону откинулся назад, прижался к спинке стула и судорожно глотнул ртом воздух.

– Так сколько, говоришь, больших циклов тебе было?

– Что?

Ше-Кентаро перевел растерянный взгляд на сидевшего слева от него инспектора Ше-Марно.

– Еще брога?

Опустив голову, Ше-Кентаро посмотрел на четырехгранный стакан с толстыми стенками, что держал в руке, – на дне еще оставался глоток золотистого брога. А судя по тому, сколько пустых стаканов теснилось на маленьком треугольном столике, – не столик даже, а кусок красного диоропласта, насаженный на торчащий из пола металлический штырь, – выпито было уже немало. При этом разум Ше-Кентаро оставался на удивление ясным. Ону чувствовал лишь усталость, как будто два малых цикла кряду не спал, но к этому ему было не привыкать, и

неприятную, слегка щекочущую слабость в коленях – остаточное явление после переработки чудовищной дозы адреналина, выработанного организмом в ответ на стрессовую ситуацию.

Недопитый стакан Ше-Кентаро поставил на угол стола между тарелкой, покрытой тонкими ломтиками желто-коричневого, с подсохшей корочкой по краям копченого сим-сыра, и розеткой с зеленоватым валайским соусом. Похоже, это был тот самый подвальчик с домашней кухней, о котором говорил Ше-Марно. Вот только о том, как они дошли до него, как сели за стол и начали методично уничтожать выпивку, у Ше-Кентаро не осталось никаких воспоминаний. Приступ никтофобии, пережитый Ону сегодня, не шел ни в какое сравнение с тем, что доводилось ему испытывать прежде. Странно даже – темнота в проулке, куда затащил его Ше-Марно, была не такой уж плотной, сквозь нее можно было разглядеть стены близлежащих домов, а в другом конце прохода был виден зажженный уличный фонарь. Почему же он потерял контроль над собой? Да так внезапно, что не заметил перехода в сумеречную зону подсознания.

– Эй, Ону, – инспектор щелкнул пальцами перед носом Ше-Кентаро, – заказать тебе брэг?

– Нет, – с отсутствующим видом Ше-Кентаро качнул головой. – Я вообще-то почти не пью...

– Ну да! – Ше-Марно совсем уж по-приятельски, а может быть, даже и немного развязно хлопнул Ону по плечу. – Видел я, как ты не пьешь! – Движением подбородка он указал в направлении сгрудившихся на столе пустых стаканов. – Мы с тобой на пару, как двое непьющих, за полчаса недельную дозу хорошего выпивохи уговорили.

Губы Ше-Кентаро сложились в вымученную улыбку. Он не хотел сейчас обсуждать эту тему. Он вообще не хотел ни о чем говорить. Ему нужно было подумать.

– Эй!

Чтобы обратить на себя внимание бармена за стойкой, Ше-Марно взмахнул поднятой над головой рукой, а когда бармен посмотрел на него, выставил два пальца и указал на стол. Бармен кивнул и взялся за бутылку.

Кабачок и в самом деле был неплох. Небольшой, всего на восемь столиков зал имел форму круга с обрезанным краем. Столики располагались у стен. В той стороне, где округлость стен была срезана, находилась стойка бара, длинная, обклеенная серебристой зеркальной пленкой, с огромным зеркалом за спиной у бармена. Чем больше зеркал, тем ярче свет. По контрасту с подсвеченным снизу танцевальным кругом в центре зала столики как будто погружались в тень. Но впечатление было обманчивым – сидя за столиком, Ше-Кентаро не испытывал ни малейшего дискомфорта. Или виной тому была выпивка? Как бы там ни было, тихий, уютный и, что совсем немаловажно, спокойный зал вызывал желание задержаться здесь подольше, попробовать какое-нибудь фирменное блюдо или еще раз заказать выпивку.

Подошедший к столику бармен в малиновой жилетке и ярко-желтом фартуке без единого пятнышка молча поставил на стол два стакана с брэггом, быстро убрал на освободившийся поднос пустую посуду и, так ничего и не сказав, даже не взглянув на клиентов, удалился.

Милейшее местечко. А по словам Ше-Марно, и цены здесь более чем умеренные. Так почему же посетителей мало? Пожилая пара, неспешно пережевывающая салат из водорослей с сим-сыром, и мужчина средних лет – положил на спинку стула локоть руки, в которой держит высокий стакан с розовым ликером, закинул ногу на ногу и, полуприкрыв глаза, слегка подергивает носком ноги в такт негромко звучащей музыке, – вот и все. Ше-Кентаро это показалось странным.

– Нам повезло, – словно угадав мысли Ону – в который уже раз! – сказал инспектор. – Порой здесь бывает так многолюдно, что хозяйева выносят дополнительные столики. Вот только, – Ше-Марно усмехнулся и двумя пальцами взял с тарелки ломтик сим-ветчины, – я

ни разу не видел, чтобы кто-нибудь здесь танцевал. – Инспектор сунул сим-ветчину в рот и вытер пальцы о салфетку.

– Да, – невпопад ответил Ше-Кентаро.

Инспектор посмотрел на Ону удивленно, но комментировать его реплику не стал, поднял стакан с бродом и коснулся доньшком края стакана, что стоял перед Ше-Кентаро:

– Давай.

Ше-Кентаро машинально поднял стакан и тут же поставил его на место.

– Нет, – поморщившись, качнул он головой. – Я больше не буду.

– Давай, – еще раз, с нажимом произнес Ше-Марно. – За то, чтобы всем нам дожить до рассвета!

Проигнорировать такой тост значило смертельно обидеть собеседника. Ше-Кентаро натянуто улыбнулся и поднял стакан.

Глядя на Ону поверх края своего стакана, инспектор поднес его к губам и сделал глоток.

Ше-Кентаро только слегка пригубил брод.

Пристально глядя на Ше-Кентаро, инспектор взял в руку вилку, медленно протянул ее и воткнул в кусочек сим-сыра.

– Я слушаю, продолжай.

– Что? – не понял Ону.

– Ты начал рассказывать о своей семье.

Ше-Марно наколот на вилку второй кусочек сим-сыра и откусил сразу от двух.

– Да?

Чтобы как-то скрыть растерянность, Ше-Кентаро тоже попробовал сим-сыр. Хотя, не исключено, что он уже закусывал им выпивку, просто в его воспоминаниях данный эпизод не сохранился. Точно так же, как и начало беседы «за жизнь» со старшим инспектором Ше-Марно. Сим-сыр оказался вкусным – острый, чуть кисловатый, с запахом дымка.

– И на чем же мы остановились? – не глядя на инспектора, как бы между прочим поинтересовался Ше-Кентаро.

– Ты сказал, что твои родители погибли, когда тебе исполнилось двенадцать, – напомнил инспектор.

– Да, – короткий жест кистью руки: ничего, мол, не попишешь, судьба. – На шестом большом цикле Ночи.

– Несчастливый цикл, – заметил Ше-Марно. – Статистика утверждает, что именно на шестой большой цикл каждой Ночи приходится наибольшее число самоубийств. Впрочем, – инспектор сделал глоток из стакана, – у шестого большого цикла Дня те же самые показатели. Именно к этому сроку неуравновешенную психику окончательно клинит, – Ше-Марно крутанул пальцем у виска. – Ну, а тот, кто через это проходит, живет себе дальше. Тебе, Ону, никогда не хотелось покончить с собой?

Вопрос был задан вроде как в шутку, но Ону все равно сделал вид, что не услышал его.

– Мои родители погибли в железнодорожной катастрофе, – с мрачным упорством произнес он. – Это не было и не могло быть самоубийством.

– А я разве что говорю? – повинно склонил голову инспектор.

Но Ше-Кентаро по-прежнему его не слышал.

– Поезд сошел с рельсов между Ду-Смарфом и Ду-Гор-Станом, – забубнил он, уставившись в тарелку с сим-сыром. – Погибли сто пятьдесят три человека. Об аварии тогда писали все газеты. У меня есть вырезки. И письмо с соболезнованиями от ва-цитика. Если нужно, я могу показать.

– Мне-то зачем? – недоуменно пожал плечами Ше-Марно.

Ше-Кентаро поднял на инспектора взгляд. Ону чувствовал, что от выпитого алкоголя его повело, но пока еще он мог держать себя в руках. Вот только разговорчивым сделался не в меру.

Хотя в конечном итоге все зависит от того, у кого какая мерка. Ше-Кентаро вовсе не несло, он просто хотел разом выложить все, что, как он полагал, нужно было услышать инспектору.

– Ва-цитик лично выразил мне свои соболезнования, – повторил он. – В связи с трагической гибелью родителей.

Ше-Марно только бровями повел – вверх-вниз, неопределенно эдак. А что сказать-то – поздравляю, что ли? Или: прими также и мои соболезнования, которые, надеюсь, за давностью лет не утратили своей искренности и актуальности?

– А! – совсем уж как-то обреченно махнул рукой Ше-Кентаро. – Нашим родителям можно только позавидовать – они жили Днем, при свете солнца.

– Мы тоже увидим рассвет, – почти уверенно произнес Ше-Марно. – Сколько тебе тогда будет?

– Сорок три. – Ше-Кентаро подцепил на вилку кусочек вяленого сим-мяса и обмакнул его в соус.

– Мне – сорок восемь, – сообщил Ше-Марно. – Вся жизнь еще впереди.

– Да ну? – сделал вид, что удивился, Ону.

– А почему бы нет? – в тон ему отозвался инспектор. – Я, между прочим, собираюсь еще жениться и детьми обзавестись. Парочкой.

– Когда наступит рассвет? – скептически усмехнулся Ше-Кентаро.

– За три больших цикла до рассвета, – вполне серьезно ответил инспектор. – Чтобы дети не успели запомнить Ночь.

– Ночь... – Ше-Кентаро покрутил вилку с насаженным на нее кусочком сим-мяса, да так и кинул на тарелку. – Не всякому она позволит дожить до рассвета.

Ше-Марно положил локоть на стол и чуть подался вперед.

– Но мы-то с тобой доживем. – Он заговорщицки подмигнул Ше-Кентаро. – Так ведь, Ону? Ты ведь эту Ночь знаешь лучше, чем кто другой? Верно? А?

Слишком много вопросов сразу. К тому же Ше-Марно задавал их так, будто ему и не требовались ответы, которые он уже знал. А вопросы нужны для того, чтобы подтолкнуть Ше-Кентаро в нужном направлении.

Ону молча поднял стакан с бромом, понюхал и, поморщившись, снова поставил на стол.

– Я бы джафа выпил, – тяжело вздохнул он.

– Может быть, поедим как следует? – предложил инспектор. – Здесь готовят отличный дирбис.

– Нет, – сделал отрицательный знак Ше-Кентаро. – Есть я не хочу.

– Ну, тогда давай еще выпьем, а потом – джаф.

Ше-Марно поднял свой стакан, и Ону не осталось ничего другого, как только повторить его жест.

Чокнувшись, они выпили, на этот раз без тоста, закусили тем, что имелось на столе, после чего Ше-Марно попросил бармена приготовить джаф на двоих. Сделал он это снова при помощи жестов. Причем Ше-Кентаро готов был голову дать на отсечение, что бармен ничего не понял. Но, к величайшему его удивлению, спустя пару минут бармен поставил на их столик два парпара со вставленными в них соломинками. Должно быть, Ше-Марно и в самом деле был здесь постоянным клиентом. Настолько постоянным и настолько уважаемым – или, быть может, значимым? – что его понимали без слов.

– Почему ты начал собирать варков?

Ловцы не любят говорить о своей работе. И уж кому-кому, а старшему инспектору сатурата, постоянно контактирующему с ловцами, следовало об этом знать. Поэтому, прежде чем как-то отреагировать на вопрос, Ше-Кентаро взял со стола расписанный вручную – голубое небо, облака, птицы – парпар и сделал два глотка джафа. Крепкий, но сварен неумело – не

чувствовалось в нем легкой вяжущей горечи, которая как раз и делает джаф не похожим ни на один другой напиток. Да и сахара многовато. Правильнее всего было бы просто проигнорировать вопрос Ше-Марно, но на этот раз инспектор, судя по всему, собирался дожидаться ответа. Он сидел на стуле прямо, не касаясь спинки. Кончики пальцев цеплялись за край стола. Губы поджаты, взгляд словно примерз к щеке собеседника – сидя вполоборота к инспектору, Ону чувствовал его кожей, как колющее прикосновение кусочка льда.

– А что? – спросил Ше-Кентаро, обращаясь к торчащей из парпаара соломинке.

– Почему?

Ше-Кентаро глотнул джафа и посмотрел в сторону зеркальной стойки. Бармен с безучастным видом протирал салфеткой стакан. Почему любой бармен, когда ему нечем заняться, непременно трет стакан? Мог бы, в конце концов, газету почитать. Или включил бы экран – все веселее.

– Нужно было как-то зарабатывать на жизнь.

– У тебя нет никакой специальности?

– Я закончил высшую школу с дипломом менеджера по торговле антиквариатом. – Ше-Кентаро усмехнулся мрачно и шелкнул ногтем по краю стакана. – Видно, тот год выдался урожайным на начинающих менеджеров. Найти работу по специальности мне так и не удалось.

– Но работа ловца... – Ше-Марно в недоумении развел руками. – Не всякий решится на такое.

– А что особенного? – пожал плечами Ше-Кентаро. – Работа как работа, не лучше и не хуже другой. И, главное, никакой конкуренции, – снова усмешка, на этот раз сардоническая. – Варков на всех хватает.

– А опасность заразиться тебя не пугает?

Ше-Кентаро ответил не сразу. Сначала он сделал бутерброд с сим-сыром, полил его валайским соусом, накрыл сверху красной долькой спелого каскора и положил на край тарелки. Есть бутерброд Ону не собирался.

– Боялся по первому времени. Потом привык. Заразиться можно, и не работая ловцом.

– Но постоянный контакт с варками...

– А антидот на что?

– Где ты берешь антидот?

– Какая разница, – недовольно поморщился Ше-Кентаро. – При желании и деньгах достать можно что угодно.

Прищурившись, Ше-Марно что-то быстро прикинул в уме.

– Сегодня я заплатил тебе за варка тысячу рабунов. Примерно четыреста уйдет у тебя на антидот и антисептический спрей.

Ше-Кентаро согласно кивнул. Он не стал объяснять инспектору, что покупает антиспрей не только для себя, но и чтобы оставить хотя бы один баллончик в доме, из которого забирал варка. Это была даже не расплата за содеянное, а своего рода визитная карточка. Зачем он это делал, по большому счету Ше-Кентаро и сам не знал. Он не чувствовал никаких угрызений совести из-за того, как ему приходилось зарабатывать на жизнь, – пусть са-туратов кошмары во сне мучают. Ону даже не помнил лиц тех, кто осыпал его проклятиями или безучастно наблюдал за тем, что он делал. Он научился быстро забывать лишнее, что, надо сказать, здорово помогало избегать многих противоречий, особенно в общении с самим собой. Вот так.

– Как ты находишь варков?

– Это моя работа.

– Да, но не так давно ты сказал, что не можешь опознать варка по внешнему виду.

– Не могу, – согласился Ону.

– Тогда как же?

Ше-Кентаро посмотрел на инспектора с осуждением и, не удержавшись, постучал указательным пальцем по краю стола. Ну разве можно задавать ловцу подобные вопросы? Следует все же иметь хотя бы самое общее представление о том, что такое деликатность. Даже если ты старший инспектор секторного управления са-турата.

Ше-Марно был далеко не глуп, а потому быстро сообразил, что перегнул палку. Протянув руку, он двумя пальцами коснулся запястья Ону. Ше-Кентаро резко отдернул руку и, совершенно сбитый с толку, непонимающе воззрился на инспектора. Тактильную форму извинения могли позволить себе только очень близкие люди. Да и то проявлять свои эмоции подобным образом в общественном месте считалось неприличным. В случае же малознакомых людей движение рукой, совершенное Ше-Марно, расценивалось не иначе как откровенное оскорбление. Но Торо Ше-Марно смотрел на Ше-Кентаро, и взгляд его был открыт настолько, что в сторону Ону едва не тянуло сквозняком, а на лице не было даже тени сомнения в правильности того, что он делал.

– Ты отличный специалист, Ону, – почему-то очень тихо, полупшепотом произнес Ше-Марно. – И очень хороший человек.

– Ты меня совсем не знаешь. – Голова Ону медленно качнулась из стороны в сторону.

Улыбка, появившаяся на губах инспектора, казалась почти заискивающей.

– Я знаю тебя, Ону, лучше, чем ты думаешь.

Рука Ше-Кентаро нервно дернулась. Ему хотелось встать и уйти, чтобы не слышать больше ни слова из того, что еще собирался сказать Ше-Марно. Но пока Ону не знал, что делает в следующий момент или спустя полчаса. Что интересного мог рассказать ему инспектор о нем самом? Ше-Кентаро не желал это знать, он не хотел делить с Ше-Марно ответственность за то, что могло после этого произойти. Зачем ему это? Можно подумать, у него мало других проблем.

– Сколько варков ты собираешь за средний цикл? – задал новый вопрос инспектор.

– Не считал. – Ше-Кентаро уже почти не скрывал раздражения.

– Зато я подсчитал, – ничуть не обиделся Ше-Марно. – Четыре-пять, редко шесть. Это максимум шесть тысяч рабунов за средний цикл. За вычетом трат на антидот и антиспрей остается не так уж много.

– Мне хватает, – буркнул Ону.

– Не сомневаюсь. – На этот раз улыбка Ше-Марно была откровенно насмешливой. – Но человек с твоими способностями мог бы получать значительно больше.

Ше-Кентаро озадаченно коснулся пальцами подбородка – однако пора бы и побриться.

– У меня нет никаких особых способностей.

– Ошибаешься, – Ше-Марно сначала поднял руку, как будто призывая проявить внимание, а затем опустил ее, направив на Ону указательный палец. – Ты умеешь находить варков.

– И что с того? – хмыкнул ловец.

– Я хочу воспользоваться твоим опытом.

Ше-Марно попытался было снова коснуться запястья Ону пальцами, но ловец предусмотрительно убрал руку. Откинувшись на спинку стула, Ше-Кентаро поднес ко рту соломинку и разом втянул оставшийся в парпаре джаф. Дынышко парпара со стуком ударило о диро-пласт треугольного столика. Ше-Кентаро насмешливо посмотрел на инспектора – ему уже было не интересно, что хотел выведать у него Ше-Марно. Пытаясь плести сеть интриги, старший инспектор секторного управления са-турата скорее всего даже не предполагал, что может сам в ней запутаться. Ше-Кентаро давно обратил внимание на то, что все са-тураты свято верят в собственную неуязвимость. С чего – непонятно. Ведь такие же люди, как и все, из плоти, которая может загнить, и крови, обладающей способностью свертываться во внешней среде.

– Ты ведь понимаешь, что варками должны заниматься са-тураты, а не ловцы.

– Варками должны заниматься врачи, – возразил инспектору Ше-Кентаро.

– Ну да, – поспешно, слишком уж поспешно согласился с ним Ше-Марно. – Но находить-то и доставлять варков в места изоляции должны са-тураты.

– У ловцов это лучше получается.

– Как ты находишь варков?

Губы Ше-Кентаро расплылись в улыбке.

– Не скажу.

– Я могу заплатить за информацию. – Ше-Марно с чувством приложил ладонь к груди. – Более того, я готов взять тебя на работу в управление.

– Нет, – насмешливо покачал головой Ше-Кентаро. – Я не могу вставать каждый малый цикл в одно и то же время.

– Мне не нужно, чтобы ты постоянно торчал в управлении, – экспрессивно взмахнул рукой Ше-Марно. – Мне требуется только информация о варках.

– А, понял. – Ше-Кентаро наклонил голову, так что подбородок прижался к груди. – Ты хочешь, чтобы я разыскивал для тебя варков, а са-тураты из твоего управления собирали их? Точно?

Ше-Марно сделал жест кистью руки – мол, тут и без слов все ясно.

– Ты будешь получать вдвое больше, чем работая в одиночку, – сказал инспектор. – Плюс никакой опасности заразиться.

Должно быть, Ше-Марно был уверен, что от такого предложения отказаться невозможно. Но, к вящему его удивлению, Ше-Кентаро ответил:

– Нет.

Ше-Марно резко подался назад и посмотрел на ловца так, будто впервые его видел.

– Почему?

Вместо того чтобы ответить, Ше-Кентаро взял со стола стакан с брогом и одним глотком допил то, что в нем оставалось.

– У нас закончилась выпивка, – он взглядом указал на пустой стакан инспектора.

Ше-Марно удивленно посмотрел сначала на стоявший перед ним стакан, затем – на Ону.

– Ты совершаешь ошибку, – сказал он.

– Вся моя жизнь – одна большая ошибка, – с усмешкой ответил Ше-Кентаро.

Повернувшись спиной к инспектору, Ону призывно взмахнул вскинутой над головой рукой. Когда бармен обратил на него внимание, Ше-Кентаро показал ему два пальца, а затем указал на стол. Бармен едва заметно кивнул и бросил на стойку салфетку, которой шлифовал идеально чистый стакан.

– Ты говорил, что больше не будешь пить, – напомнил Ше-Марно.

Поставив локоть на стол, Ше-Кентаро с сожалением, но при этом без особой боли, как на неизлечимо больного, но совершенно незнакомого человека, посмотрел на инспектора и очень серьезно произнес:

– Я сам плачу за свою выпивку.

В помещении с баром, танцевальным кругом и восемью треугольными столиками не было ни одного, пусть даже самого крошечного оконца. И это правильно. Во всяком случае, Ше-Кентаро с пониманием относился к подобным архитектурным решениям. Будь его воля, он бы и у себя дома оконные проемы заделал, но, увы, домовладелец был категорически против такой перестройки. За окнами таилась Ночь, тянущаяся, подобно бесконечному составу товарного поезда, вот уже тридцать четыре больших цикла кряду. До рассвета оставалось три больших цикла. Всего-то три, но многим ли суждено увидеть День? И пугающая всех вокруг болезнь Ше-Варко была не самым страшным из того, что могло случиться с человеком Ночью. Уж кто-кто, а Ше-Кентаро знал это точно. Страшнее была сама Ночь и порожденная ею тьма, способная пробраться в дом даже сквозь оконное стекло. Да-да, такое, хотя и не часто, все же случается. А вместе с мраком в дом пробираются призраки Ночи – зловещие твари, отвратительные

порождения тьмы, холодные и бездушные, похожие на мелкие осколки стекла, рассыпанные по песчаному дну, которые замечаешь, только когда наступаешь босой ногой на один из них. Ше-Кентаро знал призраков Ночи не понаслышке. Тех из них, что постоянно преследовали его, он узнавал в лицо, знал по именам. И сегодня он собирался познакомить их с инспектором Ше-Марно.

Глава 4

Уйти в себя.

Что может быть лучше?

Но нет же!

– Открой немедленно! – угрожающе грохотал за дверью голос бродячего ка-митара. – Открой, кто бы ты ни был! Ты, прячущий лик свой от благочестивого служителя Ше-Шеола! Открывай, а не то я желтый крест на двери намалую!

Подобно камнепаду, слова неслись в пропасть, сметая на своем пути все живое и уничтожая разумное.

Мейт Ут-Харт не причисляла себя к последователям культа Ше-Шеола, так же как не жаловала она и древних богов. Ей было безразлично, по чьей воле был создан мир, в котором ей приходилось жить, поскольку она точно знала – этот мир был и остается весьма далеким от совершенства. А ежели без эвфемизмов, то, с точки зрения Мейт, мир больше всего напоминал огромную кучу навоза с копошащимися в ней никчемными людишками, каждый из которых стремился забраться на самый верх. Причем если большинство из них, подчиняясь природному инстинкту, просто изо всех сил карабкались вверх, то отдельные особо выдающиеся умники видели в этом смысл своего существования. Мало того, они старались убедить в этом своих перемазанных дерьмом сограждан. Мейт Ут-Харт не считала себя умнее других, поэтому все ее жизненные устремления сводились к единственной цели – не влезть в дерьмо с головой, о том, чтобы вообще не запачкаться, не могло быть и речи. Так кому и за что она должна быть благодарна после этого? Кого восхвалять? Славить кого?

Но пытавшийся ворваться к ней в квартиру ка-митар оказался на редкость упорным и настойчивым.

– Открывай, тварь смердящая! – орал он, сопровождая затейливую ругань ударами кулака в дверь. – Я слышу, у тебя включен экран, шмак, в грязи копошащийся! Открой дверь, о затемненныш неразумный, и, пока еще не поздно, пока призраки Ночи не сожрали твою душу, мы изгоним их, пропев слова Ше-Шеола, сказанные им в Великий День Ран!

Ма-ше тахонас!

Мейт выключила экран и кинула пульт на диван. Разве можно чем-то заниматься, когда в дверь ломится безумец с религиозным исступлением в голосе? Мейт не имела ни малейшего желания жертвовать деньги на нужды церкви Ше-Шеола. Можно подумать, патернальный ка-митар хоть в чем-то испытывал нужду! Но еще минут пять таких песнопений под дверью, и она заведется настолько, что не сможет заснуть. Завтра у нее будет болеть голова, и начальник смены непременно сделает ей замечание за медлительность и невнимательность. На самом деле это будет его очередная месть за то, что Мейт упорно отказывается поужинать как-нибудь у него дома. Но в любом случае галочка напротив ее имени в блокноте начальника смены будет означать очередной вычет из зарплаты – десять, а то и пятнадцать рабунов. Проще отдать деньги ка-митару.

Мейт повернула ключ в замке и едва успела отпрыгнуть назад, как стукнула о стену распахнутая дверь и перед хозяйкой дома предстал святой человек. Глаза ка-митара, как положено, горели фанатичным огнем веры, но в остальном он выглядел весьма неказисто. Святоша был на полголовы ниже Мейт, которая сама не отличалась высоким ростом. Телосложения служитель веры был щуплого, лицо имел худое, вытянутое, с маленькими, чуть раскосыми, широко расставленными глазками, длинным носом и острым подбородком. Жиденькие светлорусые волосы, будто маслом смазанные, казались прилипшими к черепу. Одет ка-митар был причудливее, чем прочие торговцы верой, которых доводилось прогонять со своего порога

Мейт: темно-коричневый долгополый сюртук со стоячим воротничком, с большими блестящими пуговицами и плетеными погончиками на плечах, такого же цвета узкие брюки, едва достающие до щиколоток, и войлочные тапочки на босу ногу. На плече – большая холщовая сумка, на сгибе руки – стопка брошюр с кособокой пентаграммой на обложке. Глядя на него, можно было решить, что святоша участвует в конкурсе на самый чудной костюм, проводимом среди наиболее истовых последователей культа Ше-Шеола.

Увидев незваного гостя, Мейт Ут-Харт даже засомневалась – а он ли бесновался под дверью? Или ка-митары нынче ходят парами – один взывает к душам верующих, а другой сопутствующую литературу и аксессуары втюхивает? Однако, когда ка-митар заговорил, все сомнения пропали. Осталось только удивление, как в столь тщедушном теле мог родиться низкий раскатистый бас, вибрирующий, точно лист железа, по которому ударили молотком.

– Ну что ж, сестра, – святоша захлопнул дверь, как будто в смущении переступил с ноги на ногу и окинул изучающим взглядом прихожую, – где тут у тебя уборная?

– Чего? – в полнейшем недоумении уставилась на ка-митара Ут-Харт.

– Уборная где? – святоша нетерпеливо дернул рукой из стороны в сторону. – Помочиться мне требуется неотложно! Понимаешь?

Мейт едва удержалась, чтобы не прыснуть в кулак. Оказывается, ворвавшийся к ней в квартиру святоша был вовсе не столпом веры, горящим желанием облагодетельствовать всех вокруг, а заодно и обратить неверных во что полагается, а всего-навсего бедолагой с переполненным мочевым пузырем, которому то ли гипертрофированная совестливость, то ли по-детски глупый стыд, то ли боязнь осрамить весь Святой собор Ше-Шеола, а может быть, все перечисленное вкупе не позволяло помочиться в уголке на лестничной площадке. Понятно, ничего смешного в том не было, скорее даже наоборот, – приятно сознавать, что есть еще люди, не ставящие собственные физиологические потребности выше чужого права на чистоту. И все же Мейт хотелось рассмеяться так, что, сдерживаясь, она чувствовала, как скулы сводит судорогой.

– Сестра! – фанатичные огни в глазах ка-митара погасли, уступив место отчаянию, а протянутая вперед рука взывала о милосердии. – Покажи мне уборную! Сестра!

– Туда, – указала направление Мейт. – Вторая дверь.

В глазах ка-митара будто праздничные фейерверки зажглись. Сунув в руки Мейт брошюры и холщовую сумку, окрыленный надеждой святоша сорвался с места и скрылся за дверью туалета. Мейт недоуменно посмотрела на вещи, оказавшиеся у нее в руках, и положила на тумбочку – сначала сумку, а сверху брошюры.

Из-за двери туалета послышался характерный звук упругой струи, разбивающейся о дно фаянсового сосуда. Монотонный звук длился, длился и длился – долго, бесконечно долго. Вслушавшись в него, можно было понять, сколь глубоко и всеобъемлюще было страдание несчастного святоши. Мейт даже подумала, что, чем так мучиться, лучше б штаны намочил.

Но всему в этом мире когда-нибудь приходит конец. Даже войны не длятся вечно, и все-ленные рано или поздно взрываются или же сжимаются в бесконечно малые точки, из которых когда-то, в незапамятные времена, сами же и возникли, – что уж говорить об элементарном акте мочеиспускания. Ка-митар вышел из уборной, точно заново родившись. Лицо его выражало экстатический восторг, присущий только истинно верующему, что в результате длительных постов и утомительного воздержания от плотских соблазнов обрел просветление и, к горным высям воспаря, узрел не святого там какого-нибудь или великомученика, а самого Ше-Шеола.

– Я руки помою? – спросил ка-митар.

Стараясь оставаться серьезной, Мейт указала на дверь ванной.

В ванной святоша, должно быть, окончательно вернулся в реальность и вспомнил, кто он есть такой. Когда, свершив обряд омовения, явился он снова в прихожую, лик ка-митара был светел, но на лбу залегли две скорбные морщинки.

Интересно, сколько ему больших циклов? – подумала Мейт. На вид около тридцати пяти. Но на самом деле, наверное, меньше.

Взяв с тумбочки стопку брошюр, ка-митар стукнул их легонько, выравнивая по краю.

– Надеюсь, сестра, – произнес он, глядя на пентаграмму, что украшала обложку верхней в стопке брошюры, – своими действиями я не привел тебя в смущение?

И тут Мейт не выдержала и захохотала.

Она смеялась долго, взхлеб. Правой рукой Мейт обхватила себя за живот, а левой то отбрасывала падающие на лицо длинные рыжие волосы, то пыталась стереть выступавшие на глазах слезы.

Ка-митар смотрел на нее сначала с непониманием, затем с обидой. Судя по тому, как сжал святоша губы, он уже приготовил надлежащую тираду, что должна была срубить вульгарную рыжеволосую девку, и ждал только, когда ее наконец отпустят корчи и прекратятся судорожные всхлипы. Но время шло, а Мейт все смеялась и смеялась. Смех ее и в самом деле уже напоминал полуистерические всхлипы, ей не хватало воздуха, казалось, она вот-вот задохнется. И рада была бы Мейт остановиться, чтобы хоть дух перевести, и не помнила уже, что ее так рассмешило, а смех все рвался из нее, точно поток огня из пиро-фонтанчика. Когда же девушке наконец удалось взять себя в руки – в буквальном смысле Мейт сжала руками горло, – она увидела, что теперь в пароксизмах идиотического смеха, упав на стул, корчится ка-митар.

– Эй! – Мейт хлопнула в ладоши.

Ка-митар глянул на нее, беспомощно взмахнул рукой и захохотал пуще прежнего.

Мейт озадаченно прикусила губу, пытаясь понять, что так насмешило святошу? Ну ладно она – у нее все же был повод для смеха. А он-то с чего вдруг раздухарился? Вроде бы она ничего смешного не делала. И внешний вид у нее не сказать чтобы очень уж смешной. Ну коротковат халатик с большими красными цветами, ну истерт на локтях, так что ж с того? На всякий случай Мейт все же подвернула рукава, чтобы не было видно нитяных сеточек на локтях. В ответ на что ка-митар посмотрел на нее полными слез глазами и снова скорчился на стуле, уткнувшись лбом в сведенные вместе колени.

Спустя минуту-другую Мейт почувствовала, что все это начинает ей надоедать. Сначала кто-то ломится к ней в дверь, мешая смотреть любимое телешоу «Правило буравчика», потом в квартиру к ней врывается ка-митар, мочевого пузыря которого разрывается от переполнившей его жидкости, а под конец святоша падает на стул и заливается смехом, как будто неожиданно-негаданно оказался на ярмарке деревенских дурачков, попасть куда надеялся всю сознательную жизнь и вот наконец его мечта сбылась.

– Ну все, хватит! – Мейт подошла к святоше и похлопала его по плечу. – Кончай, уважаемый, ничего смешного уже нет!

Резким движением ка-митар выпрямил спину, левую руку с открытой ладонью вскинул к плечу – таким образом он просил дать ему еще несколько секунд, от силы полминуты на то, чтобы собраться с силами и вернуться в свое обычное состояние, – и, сделав глубокий вдох, задержал дыхание. Далось ему это нелегко. Щеки ка-митара то и дело надувались, точно мыльные пузыри, вот-вот готовые лопнуть, а глаза делались круглыми, похожими на стеклянные шарики, которыми так любят играть дети.

Про себя Мейт уже решила, что, ежели святошу снова прорвет, нужно будет отвесить ему оплеуху, иначе сам по себе он в чувство не придет. В конце концов, она здесь хозяйка. И она не помнит, чтобы когда-нибудь брала на себя обязательства развлекать полоумных ка-митаров, стесняющихся помочиться за углом.

– Финиш, уважаемый, приехали! – Мейт помахала рукой перед носом святоши.

– Все! – ка-митар решительно хлопнул ладонью себя по коленке, после чего сразу же облагодетелься – ударил кулаком в грудь и выставил три пальца. – Во славу Ше-Шеола!

– Ага, – кивнула невесело Мейт.

Ка-митар сложил руки поверх брошюр, лежавших у него на коленях, и снизу вверх с осуждением посмотрел на хозяйку квартиры, в которой оказался в силу тяготы физиологической потребности, знакомой почитай что каждому.

– Не слышу я в словах твоей веры, сестра, – произнес он негромко, с легкой укоризной, исключительно в силу профессиональной необходимости.

– В твоём диком ржанье, уважаемый, тоже было не много святости, – тут же отпасовала назад Ут-Харт.

Ка-митар смущенно – самую малость – кашлянул в кулак.

– Да... Нашло что-то вдруг... Не иначе как Хоп-Стах попутал...

– Ну да, конечно, – насмешливо кивнула Мейт. – Хоп-Стах у меня в уборной живет.

– Не богохульствуй, сестра, – строго поднял три пальца ка-митар.

– Ладно, – махнула рукой Мейт, не испытывавшая ни малейшего желания выяснять отношения со святошей.

Ну а поскольку беседа на богословскую тему ее также не занимала, Мейт решила, что самое время указать ка-митару на дверь.

– Если ты больше ничего не хочешь...

Сказано это было с такой интонацией, что уже не требовалось жеста рукой в сторону двери. Но ка-митар словно не понял, что ему деликатно предлагают удалиться.

– Я бы не отказался выпить, сестра. – Святоша положил брошюры на тумбочку – туда, откуда взял их как раз перед тем, как его скрутил приступ истерического смеха, и мило, совсем как брат родной, улыбнулся Мейт.

– Что? – Брови Ут-Харт возмущенно взлетели к самой челке.

– Да, собственно, мне все равно, что. – Ка-митар сделал легкий, ни к чему не обязывающий жест кистью руки: не беспокойся, мол, сестра. – Могу выпить просто воды из-под крана. Хотя лучше, конечно же, минеральной из холодильничка. Буду рад парпару свежесваренного джафа. От стаканчика бальке также не откажусь.

Пораженная таким нахальством, Мейт Ут-Харт на время дар речи потеряла – стояла, смотрела на ка-митара большими злыми зелеными глазами и беззвучно двигала губами, как будто пыталась снять пушинку прилипшую. Нет, ну каков! А! Сначала пописать, потом выпить... Что он потребует еще через десять минут?

Замешательство хозяйки не осталось незамеченным. И истолковано оно было верно. Ка-митар понял, что сейчас его либо выставят за дверь, либо станут потчевать, как дорогого гостя, всем, что есть в доме.

– Всего один глоток воды, – жалобно простонал он. – В горле от крика пересохло, – и, сморщившись страдальчески, подергал двумя пальцами дряблую кожу на шее, – ну точно колючку проглотил.

– Когда ты ко мне вломился, желание у тебя было прямо противоположное, – заметила Мейт.

Но, несмотря на язвительный тон, ясно было, что в глотке воды она страждущему не откажет – пусть не из одного лишь сострадания, а еще и ради того, чтобы убрался поскорее, так что ж с того? Кто упрекнет?

Ка-митар вздохнул тяжело, но все же с затаенной надеждой.

– Да не станем все мы рабами своих желаний. – Святоша быстро и довольно небрежно облагодетелься – не по душевной потребности, а исключительно проформы для. – И да не откажет каждый из нас ближнему, когда тот протянет руку, о милости взывая.

Странное дело, но Мейт была уже почти рада тому, что к ней в дом, незванный, ворвался святоша. Станный был ка-митар, совсем не похожий на тех, с кем прежде встречалась Ут-Харт. Смешной и немножко нелепый, но при этом стремящийся держать себя так, как и полагается истому служителю культа Ше-Шеола, святоша не вызывал уважения, однако и раздра-

жение, возникшее еще до его появления, быстро прошло. К нему можно было относиться со снисходительной доброжелательностью, а может быть, и с некоторым интересом: откуда вдруг такой взялся? И как он дальше будет себя вести? Начни сейчас ка-митар предлагать цитатник То-Кабры, Мейт была бы не просто разочарована, а обманута в лучших чувствах.

– Я бы не отказался от бутылочки светлого бальке, сестра, – сказал ка-митар так, будто Мейт уже предложила ему выбрать что-нибудь на свой вкус.

– С чего ты взял, что у меня есть бальке? – удивленно приподняла бровь Ут-Харт.

Дело в том, что у нее в холодильнике действительно стояли две бутылки бальке.

– Я неплохо разбираюсь в людях, – улыбнулся не без гордости святоша. – Когда каждый малый цикл встречаешь не меньше сотни человек, зачастую совершенно не похожих друг на друга, и каждому ты должен сделать предложение, от которого он не смог бы отказаться... – кисть левой руки ка-митара легко взлетела вверх и снова упала, – разве нужно еще что-то говорить?

– Что же во мне особенного? – поинтересовалась Мейт.

– В каком смысле? – не понял ка-митар.

– Как ты догадался, что у меня есть бальке?

– Я только сделал предположение. – Святоша слегка пожал плечами. – Хотя, – ка-митар чуть-чуть прищурился, склонил голову к плечу и взглянул на хозяйку совершенно по-новому – оценивающе, – наверное, все дело в твоих волосах.

Мейт подцепила двумя пальцами длинную рыжую прядь и с интересом посмотрела на нее.

– Что в них особенного?

– Ну, во-первых, цвет. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что ты родилась уже Ночью. А значит, волосы у тебя должны быть очень светлые, почти бесцветные. Однако ты демонстративно выкрасила их в совершенно непопулярный рыжий цвет. Во-вторых, прическа у тебя немодная. Опять-таки демонстративно немодная. Если бы у тебя не было времени заниматься прической, ты бы по крайней мере сделала короткую стрижку. Вместо этого ты отпустила волосы ниже плеч и просто расчесываешь их на прямой пробор. Смею предположить, что и одежда у тебя такая же вопиюще немодная. Ты намеренно стараешься дистанцироваться от своих сверстников. Вопрос – почему?

Ка-митар сделал паузу, словно ждал, что Мейт сама ответит на вопрос.

– Почему же? – спросила девушка.

Ка-митар едва заметно улыбнулся – хозяйке удалось сохранить невозмутимо-беспечное выражение лица, вот только голос ее выдал. Прозвучи он чуть легче, не столь безразлично, и святоша решил бы, что ошибся в своих выводах.

– Я совсем не знаю тебя, сестра, а потому любое мое предположение будет не более чем спекуляцией. – Почувствовав, что слова его могут спровоцировать хозяйку на то, чтобы отпустить очередное язвительное замечание, ка-митар быстро добавил: – И все же я рискну высказать догадку. Скорее всего она окажется неверной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.